

ЕЛЕНА ТИШАЕВА

САДОВНИК ПУСТОТЫ

Елена Тишаева

Садовник пустоты

«Автор»

2026

Тишаева Е.

Садовник пустоты / Е. Тишаева — «Автор», 2026

Мира Ланская доставляет людям последние отражения умерших — один незавершённый жест, который нельзя считать ни завещанием, ни признанием в любви. Но однажды футляр оказывается пуст, а адресатка забывает, почему ждала мужа. След приводит Миру в Северный сад, где непринятые отражения пускают серебряные корни, и к его хранителю Яну Ровену, чья семья уже заплатила за попытку насильно вернуть утраченную связь. Пока благотворительный фонд обещает городу исцеление от горя, пустота стирает близость между живыми. Чтобы остановить её, Мире придётся расследовать поддельную доставку собственной матери, рискнуть своим отражением и решить, можно ли вернуть память, не присвоив чужую жизнь. Городское фэнтези о горе, согласии, ремесле заботы и близости, которая становится настоящей только там, где у человека остаётся право уйти.

© Тишаева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Посылка без лица	6
Глава 2. Садовник отказов	13
Глава 3. Жест в серебре	19
Глава 4. Корень между домами	26
Глава 5. Квитанция матери	34
Глава 6. Право не помнить	41
Глава 7. Ночная прививка	46
Глава 8. Фонд возвращения	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Тишаева

Садовник пустоты

От автора

Иногда нам кажется, что прощение обязано дать ответ. Будто последнее слово, сохранённый жест или найденное письмо способны завершить прошлое правильно и навсегда. Но память не посылка, а близость не доказательство, которое можно предъявить другому человеку без его согласия.

«Садовник пустоты» — история о ремесле бережной доставки, о праве принять послание и праве отказаться от него. Здесь утрата становится видимой, но не превращается в удобное чудо: мёртвые не возвращаются, а живым приходится строить связи поступками в настоящем.

Эту книгу лучше читать как путь через сад: замечать, что растёт вокруг пустых мест, кто ухаживает за корнями и где открыты ворота. В центре романа — выбор взрослой женщины, её сестринская связь, профессиональная ответственность и любовь, которая заслуживает доверие, не требуя владения.

Герои не находят способа отменить боль и не получают единственно верной инструкции. Они учатся различать заботу и присвоение, свидетельство и толкование, обещание и требование. Для меня особенно важно, что право остановиться здесь равно праву продолжить путь: отказ не делает человека неблагодарным, а согласие не становится бессрочным.

Пусть серебряные сады этой истории напомнят: пустое место не всегда нужно немедленно заполнять. Иногда достаточно обозначить его границу, оставить проход и дать живому вырасти рядом — в собственном направлении и в собственное время.

Глава 1. Посылка без лица

По утрам зеркальные футляры были холоднее воздуха.

Мира знала это не по инструкции — в Палате последние доставки описывались словами «хранить при устойчивой температуре», — а по ладоням. Обычное стекло принимало тепло почти сразу. Футляр с отражением покойного ещё несколько секунд сопротивлялся, будто помнил комнату, из которой его вынесли, и не желал привыкать к чужим рукам.

Сегодняшний не согревался совсем.

Мира держала его ребром к свету под навесом курьерского двора. Серебряная пломба на замке была цела, имя адресата проступало на обороте ровными тёмными буквами: «Раисе Андреевне Коваль». Ни царапин, ни мутного пятна, ни дрожи под стеклом. Только за зеркальной поверхностью не угадывалось движения.

— Если будешь разглядывать каждую посылку до полудня, получатели успеют собраться, — сказала Неля Воронина.

Начальница смены стояла в дверях, придерживая локтем папку с накладными. Её серый плащ ещё блестел от дождя. В Лиственном дождь умел идти снизу вверх: ветер поднимал воду с мостовой и швырял её под козырьки, в рукава, за воротники. Неля считала зонты признанием слабости и потому всегда выглядела так, словно только что лично одолела непогоду.

— Пятый футляр, — сказала Мира.

— За утро?

— За месяц. Холоднее нормы.

Неля подошла, коснулась стеклянного угла тыльной стороной пальцев и пожала плечом.

— Октябрь.

— В хранилище двадцать два градуса.

— Значит, экономят на градусниках, а не на отоплении. Пломба?

— Целая.

— Адрес появился?

Мира перевернула футляр. Имя вдовы стало чуть отчётливее, как всегда бывало, когда посылку выносили из Палаты в город. Добровольный последний адрес невозможно было вписать чернилами или подделать печатью: буквы поднимались из глубины зеркального слоя сами. Этим Палата гордилась больше, чем правом получателя отказаться.

— Появился.

— Тогда вези. Часовщик умер восемь дней назад. Вдова звонила трижды.

Неля уже повернулась к двери, но Мира спросила:

— Кто принимал футляр?

— Ланская.

— Я серьёзно.

— И я. Получение из дома оформлял Белецкий, запечатывала ночная смена. Хочешь расследование — вернись с причиной, которую можно внести в журнал. «Мне не нравится холод» бухгалтерия не признает вещественным доказательством.

У порога Неля задержалась.

— И не опоздай к Ковальям. Ожидание тоже имеет цену.

Мира убрала футляр в плоскую сумку с войлочными ячейками. В соседних лежали ещё две доставки: маленькое круглое зеркало для учительницы на Грушевой и узкая пластина, похожая на дверную щель, для мужчины, отказавшегося сообщить курьеру своё отчество. Обе посылки тихо отзывались на движение. В одной кто-то разглаживал невидимую складку, в другой пальцы снова и снова пытались завязать шнурок. Жесты не были людьми. Они ничего не объясняли, не прощали и не просили. Но у них оставался вес чужого намерения.

Футляр часовщика не весил почти ничего.

Мира защёлкнула сумку и вывела велосипед со двора.

Лиственный начинался за чугунной аркой Палаты сразу несколькими городами. По верхним улицам шли трамваи, звенели кофейни, мокли афиши. Ниже, под аркадами, торговцы разворачивали прилавки с медными пуговицами и сушёными яблоками. Между домами тянулись узкие зелёные коридоры к садам памяти. Там серебрилисты даже осенью не сбрасывали листву. Когда ветер переворачивал их листья светлой стороной, казалось, город на мгновение открывает множество глаз.

Мира избегала смотреть на них во время доставки.

Первый адрес принял круглое зеркало без слов. Учительница прижала ладони к груди, увидев, как покойная подруга поправляет невидимые очки, и подписала квитанцию только со второго раза. У второго адресата дрожали губы, хотя жест в узкой пластине оказался самым будничным: отец наклонялся, чтобы завязать сыну шнурок. Мужчина смотрел до тех пор, пока движение не стало едва заметным, затем попросил закрыть футляр и поставить дату следующего просмотра.

Каждая доставка занимала столько времени, сколько требовал адресат. Так было написано в старом уставе. В новом расписании на неё отводилось двенадцать минут.

К дому Ковалей Мира подъехала без трёх минут одиннадцать.

Часовая мастерская занимала первый этаж углового дома. Над входом висел циферблат без стрелок; в дождевой воде под ним дрожала вывеска «Коваль и дочь», хотя дочь, как выяснила Мира из накладной, давно жила у моря. За витриной десятки часов показывали разное время. Некоторые отставали на минуты, некоторые — на годы. В глубине мастерской стояла женщина в чёрном шерстяном платье и держала дверь открытой.

— Вы от Палаты?

— Мира Ланская, служба последних доставок. Раиса Андреевна?

— Наконец-то.

В упрёке было больше облегчения, чем злости. Вдова впустила Миру, заперла дверь мастерской и перевернула табличку на «закрыто». Ей было около шестидесяти; короткие седые волосы лежали так ровно, словно она всё утро приглаживала их перед каждым звуком на улице.

— Простите, — сказала она. — Я думала, вы вчера придёте.

— Доставка назначена на сегодня. Вам объяснили варианты?

— Принять, отказаться, посадить. Я приму.

— Вы можете решить после просмотра. Можете остановить просмотр в любой момент. Я останусь рядом или выйду — как скажете.

— Оставайтесь. Здесь и без того слишком много тишины.

Мира огляделась. Тишины в мастерской не было. Тикали настенные часы, похрустывал старый механизм в шкафу, под стеклом прилавка тонко звенела пружина. Но все звуки шли каждый сам по себе. Ни один не складывался с другим в общее время.

Раиса Андреевна расчистила край рабочего стола. Там лежали лупа, отвёртки, чашка с засохшим чайным ободком и мужские очки.

— Он оставил их здесь в тот день, — сказала она, заметив взгляд Миры. — Ушёл наверх за вторыми и не вернулся. Глупость какая. У человека семьдесят лет жизни, а в конце остаются очки и чашка.

Мира не сказала, что иногда не оставалось и этого. Она сняла сумку, положила её на стол и вынула футляр обеими руками.

— Проверьте имя.

Вдова прочла надпись, кивнула.

— Подтвердите, что хотите открыть его сейчас.

— Подтверждаю.

Мира приложила служебный жетон к пломбе. Серебро должно было потемнеть по краям, разойтись четырьмя лепестками и освободить замок. Вместо этого печать треснула с сухим звуком, будто тонкий лёд.

Раиса Андреевна вздрогнула.

— Так бывает?

— При старых пломбах.

Это было неправдой. Старые пломбы гнулись. Новые рассыпались только после второго запечатывания, а повторно вскрывать футляр имели право два человека в городе — хранитель Палаты и судебный мастер.

Мира придержала крышку большим пальцем.

— Я могу отнести посылку на проверку.

— Нет. Восемь дней проверяли. Открывайте.

По уставу подозрение на повреждение требовало остановить доставку. По тому же уставу курьер не мог лишить адресата назначенного просмотра из-за сомнения, которого не умел доказать. Мира почувствовала знакомую злость на правила, написанные разными людьми в разные десятилетия и сшитые в одну папку без попытки примирить их между собой.

— Если внутри будет что-то не так, не касайтесь зеркальной поверхности, — сказала она.

— Что может быть не так?

Мира подняла крышку.

Внутри не было отражения.

Стекло показывало потолок мастерской, круглую лампу, лицо Раисы Андреевны и руку Миры на бронзовом краю. Никакого второго слоя. Никакого движения, которое не принадлежало бы живым. Даже обычная серебряная глубина исчезла: зеркало стало плоским и слишком ясным.

Вдова наклонилась ближе.

— Это я?

— Сейчас закрою.

— Подождите. Где Аркадий?

Мира опустила крышку и прижала ладонь к замку. Пломба уже не держала.

— Посылка повреждена. Я зарегистрирую случай и вернусь к вам после проверки.

Раиса Андреевна смотрела не на футляр — на очки у локтя. В её лице что-то менялось медленно, почти незаметно, как меняется выражение у человека, который забыл нужное слово.

— Чьи это? — спросила она.

Мира не сразу поняла.

— Очки вашего мужа.

— Мужа?

Тиканье продолжалось. Вдова взяла очки за дужку и повертела перед светом.

— У меня не было мужа.

Мира почувствовала, как холод от футляра проходит сквозь перчатку.

— Раиса Андреевна, посмотрите на вывеску.

— При чём здесь вывеска?

— «Коваль и дочь». Кто такой Коваль?

Женщина повернулась к витрине. Несколько секунд она читала собственную фамилию, затем усмехнулась с неловкостью хозяйки, у которой нашли чужую вещь.

— Отец, наверное. Мастерская семейная.

— Вы звонили в Палату трижды и ждали доставку от Аркадия Ковалья.

— Я ждала... — Раиса Андреевна замолчала. — Кого я ждала?

Мира застегнула футляр ремнём, вернула в сумку и достала служебную карточку. В разделе чрезвычайных случаев было пять номеров: врач, судебный мастер, дежурный Палаты,

садовая стража и мастер по обычным повреждениям стекла. Ни один пункт не назывался «адресат забыл покойного после пустой доставки».

Она позвонила Неле.

— Говори, — отозвалась та сразу.

— Футляр Ковалёв пуст. Пломба лопнула при открытии. Адресат перестала узнавать связь с отправителем.

В трубке стало тихо. На заднем плане хлопнула дверь, кто-то назвал номер накладной.

— Она забыла лицо?

— Нет. Факт брака. Говорит, мужа не было.

— Уводи её от зеркал. Ничего не объясняй через отражение. Я пришлю врача и судебного мастера.

— Почему от зеркал?

— Потому что я сказала. Закрой мастерскую и жди.

— Неля, ты уже видела такое?

Связь оборвалась.

Раиса Андреевна стояла у шкафа с маятниковыми часами. На дверце темнело старое стекло, и вдова в нём казалась вытянутой, одинокой фигурой. Она подняла руку. Отражение повторило движение точно.

— Мне нужно, чтобы вы отошли от зеркала, — сказала Мира.

— Это моя мастерская.

— Ваша. И я не стану ничего здесь трогать. Но произошла неисправность, которая может быть опасна.

— Какая ещё неисправность? Вы принесли пустую коробку и теперь рассказываете мне про мужа.

Она говорила сердито, но пальцы сжимали дужку очков до белизны. Тело помнило то, чего больше не узнавало сознание.

Мира подошла к витрине и опустила внутреннюю штору. Потом накрыла тканью зеркало шкафа. Раиса Андреевна не помешала. Когда исчезла последняя отражающая поверхность, женщина села на табурет и положила очки перед собой.

— Почему мне кажется, что я должна плакать? — спросила она.

На это в уставе тоже не было ответа.

— Потому что с вами случилось что-то настоящее, даже если сейчас вы не можете это назвать.

— Вы знаете что?

— Пока нет.

— Тогда не говорите со мной так, будто знаете меня лучше меня самой.

Мира кивнула.

— Хорошо.

Она села напротив, оставив между ними рабочий стол. Не предлагала воспоминаний, не перечисляла доказательств брака, не пыталась вернуть женщине мужа словами. Просто ждала вместе с ней, пока стрелки на десятках циферблатов расходились всё дальше.

Врач приехал первым — молодой, запыхавшийся, с зелёной сумкой. За ним явился судебный мастер Ратнер, сухой мужчина в перчатках цвета слоновой кости. Он выслушал Миру у двери, записал каждое слово и попросил передать футляр.

— Я поеду с ним, — сказала она.

— Курьерская доставка окончена.

— Она не состоялась.

— Тем более. Дальше ведёт мастер.

Ратнер протянул руку. На среднем пальце у него было серебряное кольцо допуска, достаточно широкое, чтобы распечатать любой футляр в Палате. Мира вспомнила сухой треск пломбы.

- Кто вскрывал его до меня?
- С чего вы решили, что кто-то вскрывал?
- Новая пломба рассыпалась.
- Запишу наблюдение.
- И холод. Внутри не осталось даже серебряного слоя.
- Запишу и это.
- А мне покажете запись?
- Нет.

Он не грубил. Хуже: отвечал так, словно её участие закончилось в ту секунду, когда обнаружилась настоящая проблема.

Мира положила сумку на стол, но футляр не вынула.

- По уставу адресат должна получить расписку об изъятии.
- Она сейчас не способна подтвердить связь с отправителем.
- Зато способна подтвердить, что посылку принесли ей и забирают из её мастерской.

Ратнер посмотрел на врача. Тот делал вид, что очень занят застёжкой зелёной сумки.

— Оформляйте, — уступил мастер.

Пока он заполнял бланк, Мира ещё раз осмотрела внутренний край футляра. На бронзовой рамке, под защёлкой, застряло нечто похожее на тонкую белую нитку. Она уже хотела указать Ратнеру, но увидела на конце нитки крошечный серебряный лист.

Не металлический узор. Настоящий листок, бледный и мягкий, не больше ногтя.

Серебролисты росли только из посаженных отражений. Их запрещалось выносить из садов памяти: сорванная ветвь быстро чернела, а корни чувствовали потерю даже на расстоянии. Мира однажды доставляла садовнику пустой посадочный футляр и запомнила запах — мокрый камень, полынь и слабая горечь, остающаяся на языке.

Сейчас в мастерской пахло так же.

Она не стала касаться листа. Подняла футляр к свету, прикрывая находку ладонью от Ратнера, и заметила ещё одно: тонкая белая жилка уходила под бронзовую рамку, будто внутри прежде лежал корешок, наскоро вырванный перед доставкой.

— Готово, — сказал судебный мастер.

Мира передала ему футляр и получила копию расписки для Раисы Андреевны. Ратнер запечатал сумку своим кольцом. Белая нитка исчезла под серым полотном.

- Куда вы его повезёте?
- В судебное хранилище.
- Через какой сад?

Впервые его лицо изменилось.

- Ни через какой.
- В рамке серебролист.

Ратнер опустил взгляд на сумку слишком поздно, чтобы притвориться удивлённым.

- Курьер Ланская, вы выполнили всё необходимое. Возвращайтесь в Палату.
- Из какого он сада?
- Возвращайтесь в Палату.

Он вышел под дождь и сел в закрытый служебный автомобиль. На его дверце была эмблема Палаты — ладонь перед зеркалом. Машина тронулась на юг, к судебному хранилищу, но на первом перекрёстке свернула на север.

Туда, где за домами поднимались серебряные кроны старейшего сада памяти.

Мира смотрела вслед, пока автомобиль не исчез за трамваем.

— Девушка, — окликнула Раиса Андреевна.

Она стояла на пороге мастерской. Врач просил её вернуться внутрь, но вдова не слушала.

— Вы сказали, я ждала мужа.

— Да.

— И он умер?

— Восемь дней назад.

Раиса Андреевна приложила ладонь к груди, словно проверяла внутренний карман.

— Тогда почему мне не больно?

Мира подумала о вырванном корне. О пустом зеркале, которое отразило всё, кроме того единственного жеста, ради которого существовало. О словах Нели: ожидание тоже имеет цену.

— Боль никуда не делась, — сказала она. — У вас забрали дорогу к ней.

Вдова побледнела.

Мира пожалела о сказанном, но не могла забрать слова обратно. Она оставила женщине номер смены, дождалась, пока врач закроет дверь, и только тогда вернулась к велосипеду.

По расписанию ей полагалось ехать в Палату. Неля уже прислала три сообщения: «Не преследовать мастера», «Сдать отчёт лично», «Мира, это приказ».

Она ответила: «Адресат под наблюдением. Футляр изъят Ратнером».

Это была правда. Просто не вся.

Мира раскрыла маршрутную карту. Северный сад занимал на ней зелёный клин между пятью кварталами. Официальный въезд находился у набережной, но курьеры знали служебную калитку возле старой водокачки: там принимали футляры адресатов, решивших отказаться после доставки.

Она поехала на север.

Дождь усилился. Колёса резали опавшие листья, трамвайные рельсы блестели, как незапечатанные зеркала. Чем ближе становился сад, тем чаще в окнах появлялись белые занавески. Люди возле садов не любили видеть собственные отражения после заката. Говорили, серебряные листья могли повторить не тот жест. Мира считала это суеверием — до сегодняшнего дня.

У водокачки пахло мокрой землёй и полыньёю.

Служебная калитка была заперта, хотя до окончания приёма оставалось два часа. За решёткой тянулась дорожка, посыпанная светлой щепой. Серебряные кусты стояли по обе стороны неподвижно, не замечая ветра. Дальше, между стволами, мелькнул серый автомобиль Палаты.

Мира пристегнула велосипед к ограде и позвонила в колокол.

Никто не ответил.

Она позвонила снова. В глубине сада вспыхнул фонарь. По дорожке приближался высокий мужчина в тёмном рабочем пальто. Он шёл без зонта, с садовыми ножницами в одной руке. Не торопился и не выглядел удивлённым.

— Приём закончен, — сказал он, остановившись по другую сторону решётки.

— На табличке — до шести.

— Сегодня закончен раньше.

— Я видела, как сюда въехала машина судебного мастера.

— Тогда вам тем более нечего здесь делать.

— Мира Ланская, Палата последних доставок.

— Я умею читать жетоны.

— А представляться?

— Ян Ровен. Садовник.

Он сказал это не как должность, а как границу. За его плечом серебряные листья коротко повернулись светлой стороной, хотя ветер дул в другую сторону.

Мира взялась за мокрые прутья калитки.

— Сегодня из доставочного футляра исчезло отражение. В рамке остался корень серебрилиста. После открытия адресат перестала узнавать связь с умершим мужем.

Ян не перебил и не переспросил. Только ножницы в его руке опустились остриём к земле.

— Где адресат?

— С врачом. Где футляр?

— Вы привезли его сюда?

— Его привёз Ратнер.

— Тогда спрашивайте Ратнера.

— Он солгал, что едет в судебное хранилище.

— А вы нарушили приказ и проследили за ним.

— Значит, оба умеем замечать очевидное. Откройте калитку.

— Нет.

Ответ прозвучал спокойно, и именно поэтому разозлил её сильнее.

— Женщина забыла мужа.

— Я услышал.

— В вашем саду может быть причина.

— Поэтому я вас не впущу.

За спиной Яна снова блеснул фонарь. На этот раз Мира различила двух людей возле низкой грядки. Один держал серую сумку Ратнера. Второй накрывал что-то плотной тканью. В воздухе над ними круглая область дождя оставалась совершенно сухой. Капли подлетали к ней и исчезали, не падая на землю.

Пустое место.

Мира никогда прежде не видела его, но узнала сразу — так тело узнаёт край ступени в темноте. От круглого провала в мире хотелось отвести взгляд и одновременно шагнуть ближе, чтобы доказать себе: там всё-таки что-нибудь есть.

Ян переместился, заслоняя грядку.

— Не смотрите туда.

— Что вы вырвали?

— Уходите, курьер Ланская.

— Это отражение Аркадия Ковалёва?

— Уходите сейчас. Завтра подайте официальный запрос.

— К завтрашнему дню Раиса Андреевна забудет ещё что-нибудь?

На лице садовника впервые появилось нечто похожее на страх.

Не за себя. За ответ.

Из глубины сада донёсся хруст стекла. Серебрилисты вдоль дорожки разом сложили листья, и по земле прошла бледная волна. За ближайшим домом женщина позвала кого-то по имени — один раз, второй, а на третий запнулась посреди слога.

Ян обернулся.

Этого мгновения хватило, чтобы Мира увидела у повреждённой грядки бронзовую рамку пустого футляра.

— Это он, — сказала она.

Садовник снова посмотрел на неё. Теперь между ними была не калитка, а знание, которого утром у Миры не существовало.

— Если хотите помочь адресату, — тихо сказал Ян, — забудьте, что видели футляр, и не позволяйте Палате открыть его второй раз.

— Он уже пуст.

— Нет, — ответил садовник. — Пустое теперь не в нём.

Глава 2. Садовник отказов

За калиткой что-то застонало корнями.

Звук был низкий, почти неслышимый. Мира почувствовала его подошвами: дрогнула щепка на дорожке, задребезжали прутья ограды. Ян резко сунул руку сквозь решётку.

— Дайте жетон.

— Зачем?

— Закрыть проход. Быстро.

Мира отступила на полшага.

— Сначала откройте.

В глубине сада снова хрустнуло стекло. Круглая сухая область над грядкой расширилась, поглотив край фонарного света. Один из людей возле неё попятился и вдруг спросил у Ратнера:

— Простите, а вы кто?

Судебный мастер выругался.

Ян схватился за замок изнутри.

— Железо не удержит пустоту. Курьерский жетон несёт подтверждённую связь между живым отправителем и живым исполнителем. Сейчас это единственное, что у нас есть рядом.

— Вы собираетесь использовать мою связь с Палатой?

— На три минуты. С вашего согласия.

Он мог бы потребовать. Мог бы назвать чрезвычайный протокол или просто вырвать жетон, если бы она подошла ближе. Вместо этого ждал, пока сухой круг за его спиной становился шире.

Мира сняла жетон с цепочки.

— Что именно со мной случится?

— Возможно, несколько минут вы не будете понимать, зачем работаете на Палату. Факты останутся. Привязанность к службе может исчезнуть, если сад выберет её ближайшей связью.

— А если не отдам?

— Пустота дойдёт до домов.

Она протянула жетон сквозь решётку.

Ян не коснулся её пальцев. Взял латунный овал за край, прижал к замочной пластине и повернул. Имя Миры вспыхнуло на металле, затем погасло. По ограде побежала тусклая серебряная линия, замыкаясь вокруг сада.

На одно неприятное мгновение Мира увидела Палату как незнакомое здание. Двор, войлочные сумки, журнал доставки — всё существовало, но не имело к ней отношения. Она знала, что проработала там девять лет, и не могла вспомнить ни одной причины вернуться завтра.

Потом связь вернулась. Вместе с ней — запах утреннего кофе Нели, тяжесть полной сумки на плече, раздражение от двенадцатиминутного норматива и упрямое желание когда-нибудь открыть собственную службу.

— Три минуты, — напомнила Мира.

Ян уже бежал к грядке.

Калитка осталась запертой.

Она смотрела, как садовник бросает ножницы на дорожку и опускается на колени у края сухого круга. Ратнер стоял рядом с раскрытой серой сумкой. Другой работник — молодой парень в кожаном фартуке — прижимался спиной к стволу и повторял, что не знает ни этих людей, ни сада, ни почему оказался ночью под дождём.

Ян снял перчатки. Протянул ладони к пустому месту, но не внутрь — вдоль границы. Его пальцы вошли в мокрую землю по обе стороны провала. Серебролисты на соседних грядках

зашевелились. Один повторил движение: две светлые ветви опустились, словно чьи-то руки пытались удержать расползающийся шов.

— Свет ниже, — приказал Ян.

Ратнер переставил фонарь.

— Оно взяло Свирина.

— Не взяло. Стёрло его связь с работой. Уведите к сторожке, пока не бросился через ограду.

— Футляр ещё внутри.

— Вы уже полезли за ним один раз.

— По распоряжению Палаты.

— Тогда попросите распоряжение вырастить вам новые руки.

Мира невольно сжала прутья. Значит, футляр привезли не для осмотра. Ратнер пытался вернуть его в пустое место или извлечь из него что-то, что там осталось.

Сухой круг дрогнул. На миг в нём возникла поверхность, похожая на зеркало без света. В ней не отражался Ян, хотя он склонился прямо над краем. Потом провал снова стал просто отсутствием дождя, земли и взгляда.

Садовник прижал к границе обе ладони.

— Мне нужны три добровольные связи, — сказал он. — Не служебные. Настоящие.

Ратнер молчал.

— У меня дочь, — отозвался Свирин от дерева.

— Имя не называйте. Думайте о поступке, который она узнает вашим, а вы — её.

— Она приносит мне мандарины, когда я болею.

— Держите это. Не отдавайте саду, просто держите.

Серебряная ветвь над ним согнулась, повторяя движение руки, очищающей кожуру.

Ратнер нехотя сказал:

— Мой брат каждый ноябрь чинит крышу на даче, хотя мы собираемся её продать уже двенадцать лет.

Второй куст зашевелился. Ветви подняли невидимый лист кровельного железа.

Ян посмотрел к калитке.

— Курьер Ланская.

— Моя сестра оставляет свет в мастерской, если знает, что я возвращаюсь поздно.

Это было первое, что пришло ей в голову. Не мать. Не Палата. Ася, забывающая поесть во время работы, но помнящая про лампу над чёрным ходом.

Третий серебролист расправился. Его жест был прост: тонкая ветвь коснулась другой, будто проверяя, рядом ли она.

Сухой круг начал уменьшаться.

Не исчезать — отступать до прежней границы. Дождь снова ударил по краю грядки. Ян медленно свёл руки, направляя воду и корни вокруг провала. Когда круг стал размером с блюдо, он достал из кармана моток красной нити и обвёл ею землю.

— Теперь никто не входит, — сказал он. — Даже по распоряжению.

— Там вещественное доказательство, — возразил Ратнер.

— Там дыра в связях пяти кварталов.

— Из-за вашего сада.

Ян поднялся. На его ладонях чернела земля, под ногтями серебрился сок.

— Из-за того, кто выдернул посаженный корень и запихнул его в доставочный футляр.

— Это предстоит установить.

— Вы пытались вынуть футляр из пустоты щипцами.

— Чтобы установить.

— Установили?

Ратнер застегнул сумку. Ответа не было.

Мира постучала жетоном по решётке, хотя жетон находился у Яна. Жест получился бессмысленным, и от этого злость стала острее.

— Три минуты прошли.

Ян вернулся к калитке. Серебряная линия на ограде уже гасла. Он приложил жетон к замку, снял защиту и протянул его Мире.

— Проверьте имя.

На металле проступило: «Мира Ланская». Ни одна буква не изменилась.

— Проверила. Теперь откройте.

— Нет.

— Я только что помогла вам удержать провал.

— Спасибо.

— Это не плата за вход?

— Помощь перестает быть добровольной, если после неё выставляют счёт, о котором заранее не договорились.

Мира сунула жетон под плащ.

— Удобная философия для человека за запертой калиткой.

— Удобных вещей здесь мало.

Он повернул ключ. На секунду Мира решила, что Ян всё-таки откроет ей, но тот лишь проверил засов.

Ратнер подвёл Свирина к сторожке и вернулся. У калитки он достал телефон.

— Воронина требует, чтобы Ланская немедленно прибыла в Палату.

— Пусть требует сама, — сказала Мира.

Телефон в её кармане зазвонил почти сразу.

Она приняла вызов.

— Ты проследила за судебной машиной, — произнесла Неля без приветствия.

— Машина отклонилась от заявленного маршрута.

— Это не твоя машина и не твой маршрут.

— Футляр Коваля в пустом месте Северного сада. Ратнер пытался его достать. Один работник перестал узнавать связь со службой.

На том конце послышалось долгое дыхание.

— Ты внутри?

— Снаружи. Садовник не открывает.

— Впервые сегодня у кого-то хватило здравого смысла. Возвращайся.

— Мне нужно понять, что случилось с Раисой Андреевной.

— Для этого есть расследование.

— Которое ведёт человек, солгавший мне о маршруте?

— Мира.

Неля редко называла её по имени таким голосом. Обычно он означал: дальше будет не приказ, а просьба, которой нельзя пользоваться как слабостью.

— Вернись целой. Остальное будем разбирать утром.

— Ты знала, что пустота может идти через зеркало?

— Я знала, что связь нельзя вернуть, заставляя человека смотреть на её отсутствие.

— Откуда?

— Утром.

Связь прервалась.

Мира убрала телефон. Ян стоял достаточно близко, чтобы слышать только её половину разговора, но по лицу было видно: вторую он восстановил без труда.

— Начальница права, — сказал он.

— Не делайте вид, что вы союзники.

— Я не знаю вашу начальницу.

— Зато оба предпочитаете утро.

— Ночью люди чаще соглашаются на вещи, которых не выбрали бы при свете.

— Например, отказываются от последнего отражения?

Ян посмотрел на неё внимательнее.

— При чём здесь отказ?

— Вы назвали себя садовником и сразу решили, что знаете о доставке больше курьера.

Адресат ждала восемь дней. Её право принять послание кто-то уничтожил вместе с корнем.

— Да.

— А вы не пускаете меня к доказательству.

— Потому что ваше право доставить заканчивается там, где начинается чужое право не принимать.

— Раиса Андреевна приняла.

— Я говорю не о ней.

Мира посмотрела в глубину сада. За красной нитью лежал футляр Аркадия Коваль — или то, что она приняла за него.

— Чей корень вырвали?

Ян молчал.

— На рамке было имя Раисы Коваль. Отражение оставил её муж.

— На доставочном футляре было имя Раисы Коваль. Корень мог принадлежать другому отражению.

— Ратнер знает какому?

— Если знает, не сказал.

— А вы?

— Я узнаю грядки, за которыми ухаживаю.

— Значит, знаете.

— Значит, не отдам вам чужой отказ только потому, что вы приехали с жетоном.

Слова ударили точнее, чем Мира ожидала. Для неё футляр всегда был обязанностью, адрес — обещанием, доставка — прямой линией между последним намерением умершего и живым человеком. Отказ существовал в правилах, но на практике казался дверью, которую открывали от страха, а потом жалели.

— Вы храните здесь непринятые отражения, — сказала она. — Они всё равно повторяют жесты.

— Для сада. Не для того, кому предназначались.

— Какая разница, если адресат может прийти и увидеть?

— Большая. Адресат не знает грядку. Посадочная запись закрыта. Сад не выдаёт жест без нового согласия.

— Умерший выбрал человека.

— Один выбор не отменяет другого.

Дождь стекал по волосам Яна, по воротнику, по голым грязным рукам. Он выглядел уставшим, но не отступал от решётки.

— Вдова Коваль выбрала принять, — повторила Мира.

— И кто-то использовал это, чтобы подсунуть ей корень человека, который выбрал исчезнуть из её жизни.

— Вы не знаете, что именно сделали.

— Пока нет. Но пустота не возникает от утраты жеста. Она возникает, когда вырывают связь из места, где ей позволили остаться без получателя.

У дальней стены сада хлопнула дверь сторожки. Свирин снова спросил, где находится. Ратнер отвечал ему медленно, как ребёнку.

Мира подумала о Раисе Андреевне: о том, как вдова держала очки человека, которого не узнавала. Если Ян прав, из Северного сада вырвали один отказ, вставили его в футляр Аркадия, а затем убрали оба отражения. Зачем смешивать две чужие линии? Чтобы украсть жест? Чтобы стереть связь? Чтобы проверить, можно ли направить пустоту по адресу?

— Мне нужна посадочная запись, — сказала она.

— Нет.

— Без имени я не найду, кто получил доступ.

— А с именем вы пойдёте к человеку, который отказался, и заставите его снова участвовать.

— Я умею задавать вопросы.

— Курьеры умеют добиваться подписи.

— А садовники, видимо, умеют только запирают ворота.

Ян поднял с дорожки ножницы.

— Иногда ворота и есть работа.

Он собирался уйти. Мира почувствовала то же бессилие, что в мастерской, когда Ратнер протянул руку за сумкой: её опять назначили человеком, чьё участие закончилось на пороге настоящей проблемы.

— Связь Раисы с мужем была настоящей, — сказала она. — Как и связь того человека с отказом. Если мы будем охранять одну половину и не замечать вторую, пустота доберётся до обеих.

Ян остановился.

— Что вы предлагаете?

— Не имя. Покажите мне журнал доступа без посадочной записи. Даты, должности, номера инструментов. Я проверю накладные Палаты. Никого из адресатов не трону без согласия.

— Обещание курьера?

— Моё.

— Я вас не знаю.

— Поэтому сможете проверить по поступкам.

Ян посмотрел на красную нить вокруг провала, потом на Ратнера. Судебный мастер был занят Свириным, но время от времени бросал на калитку настороженные взгляды.

— Сегодня ничего не получите, — сказал Ян. — Утром я оставлю выписку у сторожа. Без имён и жестов. Только доступ.

— К восьми?

— К семи.

— И образец с рамки.

— Нет.

— Почему?

— Потому что корень живой. Вы уже увезли один кусок туда, где его вскрыли дважды.

— Его увёз Ратнер.

— А доставили вы.

Вины в его голосе не было, только факт. От этого возразить оказалось труднее.

— Хорошо, — сказала Мира. — Корень остаётся. Но я хочу присутствовать при его осмотре.

— После стабилизации грядки. И без права забрать.

— Если Палата выдаст требование?

— Тогда я откажу Палате.

— Вы лишитесь работы.

— Это моя связь с работой. Мне и решать цену.

Он произнёс это почти равнодушно, но Мира вспомнила, как три минуты назад сад мог стереть ту же связь у неё без всякого выбора. Право, о котором говорил Ян, было не красивым принципом. Он держался за него потому, что видел, как легко его отнять.

— В семь, — повторила она.

— Если грядка не расширится.

— А если расширится?

— Увидите закрытые ворота и сделаете то, что курьерам даётся хуже всего.

— Что именно?

— Не войдёте.

Мира сняла велосипед с замка. Ей хотелось оставить за собой последнее слово, но сад за решёткой снова тихо застонал, и любые слова показались шумом рядом с работой, которую Яну предстояло делать всю ночь.

Она уже поставила ногу на педаль, когда он окликнул:

— Курьер Ланская.

— Да?

— В следующий раз, прежде чем открывать холодный футляр, спросите адресата, готов ли он сохранить решение, даже если внутри окажется не то, чего он ждёт.

— Это невозможно обещать.

— Верно. Но вопрос напоминает, что решение принадлежит ему, а не посылке.

— Раиса Андреевна всё равно открыла бы.

— Возможно.

— Тогда ничего бы не изменилось.

— Изменилось бы то, кто сделал выбор.

Мира уехала, не ответив.

На мосту она остановилась и посмотрела назад. Северный сад светился между домами, как разбитое зеркало, собранное из сотен серебряных листьев. Одна тёмная точка оставалась в самой середине. Вокруг неё двигался одинокий фонарь Яна.

Телефон снова завибрировал. На этот раз звонила Ася.

— Ты где? — спросила сестра. — Я оставила свет, а тебя нет.

Мира закрыла глаза.

Связь была на месте: тёплая лампа над чёрным ходом, запах растворителя в мастерской, привычка Аси сердиться вместо того, чтобы признаваться в тревоге.

— Еду, — сказала она.

— Ты промокла?

— Насквозь.

— Купи хлеб. И не вздумай привезти домой служебное зеркало.

— Не привезу.

Мира убрала телефон и поехала к свету, который сестра оставила для неё. Завтра в семь она вернётся к закрытым воротам — не потому, что посылка требовала доставки, и не потому, что Палата разрешила расследование.

Потому что Раиса Андреевна имела право узнать, кто отнял у неё собственный выбор.

Глава 3. Жест в серебре

В семь без трёх у сторожки Северного сада никого не было.

Мира остановила велосипед у калитки и проверила время ещё раз, будто три минуты могли превратить пустую скамью в обещанную выписку. Ночной дождь кончился, но город ещё блестел после него: карнизы роняли редкие капли, трамвайные рельсы казались разрезами в сером утре. За оградой серебролисты стояли неподвижно. Только над повреждённой грядкой дрожала красная нить.

На прутьях висел плоский конверт из вощёной бумаги.

Мира не сразу сняла его. Вчера Ян отказался открыть ворота, отказался назвать имя, отказался отдать корень — и всё же сделал ровно то, что обещал. Не больше. Не меньше. На конверте стояло время: 06:41. Ни подписи, ни приветствия.

Внутри лежала выписка из журнала доступа. Имена были заменены должностями, номера грядок — диапазонами, но время, печати инструментов и основания посещений сохранились. За последние десять дней к северному сектору входили садовник смены, двое поливальщиков и судебный мастер Палаты отражений. Последняя запись принадлежала Ратнеру: осмотр по накладной С-118, инструмент номер сорок семь, выход через одиннадцать минут.

Ниже другой рукой было приписано: «Инструмент при выходе не предъявлен. На следующий день возвращён в общий шкаф без отметки».

Мира сфотографировала лист, вложила обратно и подняла глаза. Ян стоял за деревьями, почти сливаясь с мокрыми стволами. Он не подошёл к воротам. Она подняла конверт, показывая, что получила, и убрала его на прежнее место.

Садовник коротко кивнул.

Этого оказалось достаточно.

В Палате утреннюю смену принимали под звон пустых футляров. Их нельзя было ставить один в другой: даже после очистки рамы сохраняли память о последнем содержимом и при соприкосновении начинали повторять его ритм. Поэтому кладовщики развешивали футляры на медных крючьях, и сквозняк превращал склад в неровные часы — где-то постукивали пальцы, где-то дрожала несказанная улыбка, где-то ладонь без конца пыталась закрыть невидимую дверь.

Мира прошла мимо дежурной стойки, не снимая плаща.

Неля ждала её в комнате маршрутов. Перед ней стояли две кружки кофе и лежала накладная С-118.

— Ты всё-таки вернулась в сад, — сказала она.

— Ворота не открывала.

— Какая дисциплина.

— Мне оставили обезличенную выписку.

Неля посмотрела не на телефон в руке Миры, а ей в лицо.

— Ты обещала садовнику не искать отказавшегося адресата?

— Обещала.

— И не станешь?

— Не стану. Мне нужен доступ, а не имя.

Только после этого Неля придвинула накладную. Документ разрешал судебному мастеру проверить крепления трёх пустых грядок после весенней просадки. Северный сектор в перечне отсутствовал. Инструмент номер сорок семь значился корневым щупом — тонкой серебряной вилкой, которая могла определить глубину посадки, не касаясь самого отражения.

— Щуп не извлекает корни, — сказала Мира.

— Исправный — нет.

- А неисправный?
- Оставляет царапины. За это инструмент списывают, а не возвращают тайком в шкаф. Мира перелистнула накладную. В графе выдачи стояла подпись Ратнера, в графе возврата — размазанный штамп склада.
- Ты знала про его визит?
- Я подписала запрос на осмотр южной стены. Не северных грядок.
- Почему вчера отправила его за футляром Ковалёва?
- Потому что повторно вскрытые доставки переходят судебному мастеру. Таков порядок.
- Порядок, который отдаёт улику человеку с незаконным доступом к саду. Неля отпила кофе. В складке между её бровями проступила белая полоска старого шрама.
- Поэтому футляр сейчас не у Ратнера.
- Мира выпрямилась.
- Где он?
- В мастерской твоей сестры.
- Ты вчера приказала мне не везти его туда.
- Вчера на нём был живой корень и рядом стоял Ратнер. Сегодня корень в саду, Ратнер пишет объяснение, а футляр передали независимому реставратору как вещественное доказательство.
- Независимому?
- Ася не работает на Палату.
- Зато живёт со мной.
- Тогда постарайся не командовать экспертом у неё дома.
- Мира взяла свою кружку. Кофе успел остыть.
- Ты всё это устроила ночью?
- Нет. Ночью я пыталась понять, почему моя лучшая курьерша гоняется под дождём за судебной машиной. Утром решила извлечь из этого пользу.
- Раиса Андреевна всё ещё не узнаёт мужа.
- Я знаю.
- Мы должны ей сказать, что футляр был подменён.
- Когда докажем. Пока у нас пустая рамка, незаконный визит и садовник, который справедливо не доверяет Палате.
- Он доверил мне выписку.
- Не путай договорённость с доверием.
- Мира хотела возразить, но вспомнила конверт без подписи. Неля была права: Ян дал ей способ проверить один факт. Это ещё не означало, что он впустит её в сад или поверит следующему обещанию.
- Ратнер признал, что брал сорок седьмой?
- Сказал, что перепутал сектор, а инструмент оставил сушиться. В Палате много способов солгать так, чтобы каждое отдельное слово оказалось правдой.
- Неля закрыла накладную.
- До конца экспертизы ты снята с маршрута Ковалёва.
- Это наказание?
- Это граница. Ты участница происшествия и сестра эксперта. Можешь присутствовать, потому что распознаёшь курьерские печати. Решения Аси не оспариваешь. Ничего не выносишь. С Раисой не связываешься.
- А если Ася найдёт подделку?
- Тогда вернёшься и получишь новую задачу.

— От тебя?

— От человека, который отвечает, если ты снова откроешь не тот футляр.

Мира поставила нетронутый кофе на стол.

— Открыла его Раиса Андреевна.

— А доставила ты.

Те же слова, что сказал Ян. Только у него они звучали как указание на предел ответственности, а у Нели — как тяжесть, которую следовало нести дальше.

В мастерской Аси пахло нагретой канифолью, мелом и вчерашним хлебом. Лампа над чёрным ходом всё ещё горела. Мира выключила её, прежде чем подняться по узкой лестнице.

— Не трогай выключатели, — крикнула Ася из глубины помещения. — Я запоминаю этапы по свету.

— Так и знала, что это не забота обо мне.

— Забота тоже требует системы.

Ася сидела за большим столом в защитных очках. Волосы она собрала карандашом, на щеке осталась серебряная полоса. Перед ней под стеклянным колпаком лежал футляр Ковалёва — без корешка, без зеркальной пластины, с раскрытой задней рамкой. Рядом стояли три чашки с мутной водой и ряд игл, каждая на отдельной белой салфетке.

Мира повесила плащ подальше от стола.

— Неля сказала, ты независимый эксперт.

— Неля заплатила половину моей обычной ставки и назвала это гражданским долгом.

— Вторую половину попроси у сада.

— Сады плохо переводят деньги.

Ася сняла очки и посмотрела на сестру.

— Ты спала?

— Два часа.

— Значит, будешь молчать вдвое внимательнее.

— Что ты нашла?

— Это не молчание.

Ася подвинула к краю стола табурет. Мира села, сцепив руки между коленями. В детстве она ненавидела ждать, пока сестра починит музыкальную шкатулку или склеит бабушкину чашку. Ася могла часами смотреть на трещину, прежде чем коснуться её. Потом всегда говорила, что торопливость — это желание мастера сделать предмет послушным, а не целым.

Теперь она включила боковую лампу. По серебряной рамке футляра пробежал холодный свет.

— Повторное вскрытие было, — сказала Ася. — Но не там, где решил Ратнер.

Она указала иглой на едва заметный рубец у нижней петли.

— Заводской шов раскрывали изнутри.

— Как можно открыть закрытый футляр изнутри?

— Нельзя. Если внутри обычное отражение.

— А если корень?

— Корень тоже не пользуется отвёрткой.

Ася повернула рамку. Под увеличительным стеклом серебро перестало быть гладким. В нём виднелись тонкие дуги, похожие на следы ногтей.

— Футляр сначала вскрыли снаружи, — продолжила она. — Сняли настоящее содержимое, заменили, запаляли. Потом то, что поместили внутрь, разорвало свежий шов. Его закрыли второй раз уже поверх повреждения. Ратнер увидел последнюю пайку и решил, что это единственное вмешательство.

— Или хотел, чтобы мы так решили.

— Я исследую металл, не характер Ратнера.

Мира наклонилась ближе.

— Что могло разорвать шов?

Вместо ответа Ася взяла две чашки. В одной вода была серой, в другой — почти прозрачной. Она окунула в каждую по серебряной игле, затем поднесла иглы к противоположным углам рамки.

Футляр дёрнулся.

Не задребезжал от касания — именно дёрнулся, будто две руки одновременно потянули его в разные стороны. Левая створка приподнялась. Правая осталась на месте. Из пустой середины выступил слабый блеск и тут же исчез.

— Ещё раз, — попросила Мира.

— Нет.

— Я должна понять.

— Понимать можно без повторного вреда.

Ася положила иглы на салфетки. На одной проступил след, похожий на согнутый палец. На другой — короткая линия ладони.

— В рамке осталось два серебряных почерка, — сказала она. — Не два слоя одного отражения. Два разных жеста.

Мира посмотрела на пустое место под колпаком.

— Аркадий и человек из сада?

— Пока я могу сказать только, что здесь были следы двух отражений. Одно пыталось завершить движение к адресату. Второе удерживало движение от адресата. Их спаяли вместе.

— Принятие и отказ.

— Не называй смысл раньше, чем мы увидели жесты целиком.

— Но один корень вырвали из грядки отказов.

Ася замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Садовник сказал.

— Садовник видел рамку?

— Видел корень. Узнал грядку.

— И ты, конечно, попросила имя.

— Попросила.

— Получила?

— Нет.

— Хороший садовник.

Мира откинулась на табурете.

— Почему все сегодня на его стороне?

— Потому что его здесь нет и он не задаёт мне вопросы каждую минуту.

Ася достала из ящика две тонкие пластины слюды. На одной серебряный осадок собрался в очертание кисти: большой палец тёр подушечку указательного, словно проверял гладкость маленькой детали. Часовщик. Аркадий Коваль мог годами делать этот жест над шестерёнкой, прежде чем решиться отпустить её в механизм.

На второй пластине след был слабее. Ладонь лежала поперёк невидимого предмета, а пальцы по одному разжимались.

Не отдавали. Отпускали.

Когда Ася совместила пластины над рамкой, движения сцепились. Первая рука пыталась вложить что-то в раскрывающуюся ладонь. Вторая ладонь освобождала место. На мгновение получался цельный жест передачи — убедительный настолько, что Мира сама потянулась принять невидимую вещь.

Ася ударила её по пальцам деревянной ручкой.

— Не участвуй.

Мира отёрнула руку.

— Я не собиралась.

— Собиралась. Подделка для этого и сделана. Два незавершённых жеста наложили так, чтобы мозг достроил один понятный.

— Раиса увидела мужа.

— Она увидела движение, которое ожидала от мужа. Рамка подтолкнула её закончить остальное самой.

— А потом всё исчезло.

— Потому что жесты противоречили друг другу. Один требовал адресата. Вторым существовал только при условии, что адресат его не получит.

Ася снова развела пластины. Серебряные руки распались, каждая вернулась к собственному незавершённому движению.

— Их нельзя было соединять, — тихо сказала она. — Это не реставрация. Это насилие над обоими решениями.

Мира вспомнила лицо Раисы после открытия футляра: вежливое недоумение, очки Аркадия в руках и горе, которое осталось в теле без имени. Подделка не просто не доставила последнее послание. Она заставила вдову завершить чужое движение и заплатила за это её связью с мужем.

— Можно определить, откуда взялось первое отражение?

— Если у нас будет образец Аркадия из регистрационной пробы.

— Он хранится в Палате.

— Тогда сравним. Второе без согласия сада я не исследую дальше.

— Почему? След уже в рамке.

— Потому что почерк жеста — тоже часть чужого отказа. По нему можно узнать человека. Ты обещала не искать.

— Я обещала не искать адресата.

— Не начинай торговаться с формулировкой, Мира. Ты прекрасно знаешь, что обещала на самом деле.

Сестра редко говорила с ней так жёстко. Мира открыла рот и закрыла. За окном звякнул первый утренний трамвай. На стене качнулась связка старых ключей.

— Хорошо, — сказала она. — До согласия сада — только подтверждение двух отражений.

— Запиши сама.

Ася придвинула бланк экспертизы. Мира написала: «В рамке обнаружены независимые остаточные следы двух серебряных почерков. Их наложение имитирует единый жест передачи. Дальнейшая идентификация второго следа приостановлена до получения законного основания и согласия хранителя посадки».

— Хранителя? — спросила она.

— Не адресата. Садовник может разрешить осмотр корня, но не раскрыть человека.

Мира поставила время и расписалась как свидетель. Ася добавила свою подпись, затем накрыла пластины отдельными колпаками.

— Теперь позвони Неле.

— Сначала Яну.

— У тебя есть его номер?

— Нет.

Ася улыбнулась краем рта.

— Тогда твои профессиональные отношения развиваются безопаснее, чем обычно.

— У нас нет отношений.

— Именно это я и сказала.

Мира сфотографировала только ту часть заключения, где не было рисунков жеста, и отправила Неле. Ответ пришёл почти сразу: «Возвращайся. Оригинал запечатать. Рамку не передавать Ратнеру».

Следом позвонили в дверь мастерской.

Ася сняла очки.

— Ты кого-то ждёшь?

— Нет.

— Я тоже.

На пороге стоял мужчина в сером пальто без знаков Палаты. Он держал букет белых астр и старую жестяную коробку, какие использовали для перевозки регистрационных проб лет двадцать назад.

— Мастер Ланская? — спросил он.

Ася не открыла дверь шире.

— Кто спрашивает?

— Фонд возвращения. Нам сообщили, что у вас находится повреждённая семейная реликвия Ковалей. Мы готовы оплатить восстановление и избавить Палату от неловкости.

Мира встала так, чтобы мужчина увидел её жетон.

— Кто сообщил?

Он перевёл взгляд на неё и ничем не выдал удивления.

— Курьер Ланская. Рад, что вы здесь. Вера Сойма хотела бы поговорить с вами обеими.

— О чём?

— О возможности вернуть Раисе Андреевне то, что у неё отняли.

Он протянул коробку. На потемневшей крышке серебром был выведен номер регистрационной пробы Аркадия Ковалья.

Мира не взяла её.

— Оставьте на пороге.

— Проба чувствительна к холоду.

— Тогда держите крепче.

Мужчина посмотрел на раскрытые колпаки за её спиной. Всего секунду — но достаточно, чтобы Мира поняла: он знал, что именно они нашли.

— Госпожа Сойма считает, — сказал он, — что право отказаться не должно быть сильнее права любить.

— А кто дал ей право выбирать, какое из них сильнее?

— Результат.

— У Раисы Коваль результат уже есть.

Мужчина положил цветы на порог, но коробку оставил при себе.

— Сегодня в шесть. Адрес на карточке. Мы покажем семью, которой вернули утраченную связь без вреда для памяти.

— Уходите, — сказала Ася.

Он вложил карточку между стеблями астр и спустился по лестнице. Мира дождалась, пока закроется наружная дверь, и только тогда подняла цветы. На карточке не было адреса — лишь тиснённый серебряный круг и время. Если смотреть прямо, круг казался пустым. Под углом в нём проступали две ладони, сложенные в один невозможный жест.

Ася забрала карточку щипцами.

— Они знали про экспертизу.

— И про пробу Аркадия.

— И хотят, чтобы ты пришла.

Мира посмотрела на разъединённые пластины. Один жест тянулся к получателю. Другой освобождал место, чтобы никто его не занял. Кто-то решил, что сумеет сделать из двух чужих выборов один удобный ответ.

— Значит, сначала узнаем, кто выдал им номер пробы, — сказала она.

— Нея велела возвращаться.

— Я и возвращаюсь.

— А в шесть?

Мира спрятала руки в карманы, чтобы снова не потянуться к серебряному кругу.

— В шесть я ещё ничего им не обещала.

За окном город просыпался, узнавая привычные маршруты: продавец поднимал ставню булочной, женщина в синем пальто придерживала дверь соседке, мальчик катил чужой велосипед до сухого места. Обычные жесты не требовали серебра. Они становились связью только потому, что люди повторяли их по собственной воле.

На столе под двумя колпаками чужие руки больше не складывались вместе.

Глава 4. Корень между домами

От мастерской Аси до Палаты было двенадцать минут на велосипеде, если не считать трамвай у Рыночной площади и грузчиков возле стекольного склада. Мира знала этот отрезок так хорошо, что могла проехать его с закрытыми глазами, но после ночи в Северном саду закрывать глаза не хотелось.

Она держалась середины улицы и считала знакомые приметы: зелёный балкон, водосточная труба с медным коленом, булочная на углу. В сумке лежала запечатанная копия заключения. Оригинал остался у Аси. В кармане — карточка фонда, завернутая в плотную бумагу, чтобы серебряный круг не касался ткани.

На перекрёстке перед домами-близнецами Мира нажала на тормоз.

Обычно между этими домами был проход во двор. Узкий, мощёный тёмным кирпичом, с общей аркой и скамьёй, которую жильцы каждый апрель красили в новый цвет, не договарившись заранее. Сегодня проход казался шире. Не потому, что исчезла арка или отступили стены. Между ними появилось место, которого вчера не было.

Круглая полоса бледного воздуха лежала поперёк мостовой. Дождевые лужи обрывались у её края. Голуби обходили её, смешно переставляя красные лапы, но не взлетали, словно не понимали, чего опасаться.

Мира слезла с велосипеда.

У двери левого дома женщина в клетчатом фартуке держала кастрюлю. Из правого вышел пожилой мужчина с пустым ведром. Они остановились друг напротив друга.

— Вы к кому? — спросила женщина.

— Домой, — ответил он.

— Здесь два дома.

— Я вижу.

Он сказал это без раздражения, почти учтиво. Потом посмотрел на кастрюлю.

— А вы торгуете супом?

Женщина побледнела.

— Семён Ильич, это я.

Он вежливо улыбнулся, как улыбаются человеку, который обознался.

— Простите.

Кастрюля накренилась. Мира успела подхватить её за ручку. Под крышкой плеснулся густой свекольный суп.

— Лида Павловна? — спросила она, прочитав имя на пришитой к фартуку метке домохозяйки. — Вы знаете этого человека?

— Сорок два года знаю. Мы через двор дверь не запираем. Он мне по средам дрова приносит, я ему обед. Семён, посмотри на меня.

Мужчина послушно посмотрел.

— Я верю, что мы знакомы, — сказал он. — Но не понимаю зачем.

Край бледного круга дрогнул и продвинулся на ширину ладони.

Мира увидела знакомое отсутствие дождя. Пустота из Северного сада не осталась за оградой. Она пустила корень под городом и вышла там, где связь повторялась достаточно долго, чтобы её можно было вырвать.

Она поставила кастрюлю на ступеньку и достала жетон.

— Всем отойти от прохода. Не пересекать светлую полосу. Лида Павловна, сколько людей сейчас во дворе?

— Дети. У нас занятия в подвальной комнате. И Зоя Матвеевна на втором этаже, она сама не спустится.

— Сколько детей?

— Девять. Нет, десять. Из обоих домов.

Мира взглянула на часы. Неля ждала её с заключением. Курьерский протокол запрещал оставлять вещественное доказательство без сопровождения и вмешиваться в работу садовой службы. Но садовой службы здесь не было. До Палаты — двенадцать минут. До того, как круг коснётся обеих дверей, — возможно, меньше.

Она нажала тревожную пластину на жетоне.

Серебро осталось тёмным.

Связь с Палатой не прошла.

— У вас есть телефон? — спросила она.

Лида протянула ей аппарат. Мира набрала общий номер. В трубке дважды щёлкнуло, затем чужой женский голос произнёс:

— Вы ошиблись адресом.

— Это Палата отражений?

— Не знаю такой.

Связь оборвалась.

Пустота стирала не только людей. Она проходила по назначению вещей: номер оставался номером, но переставал вести туда, куда звонили годами.

— Я пойду за детьми, — сказала Лида.

— Нет. Покажите другой вход.

— Через правый дом.

Семён Ильич покачал головой.

— В моём доме нет прохода в её подвал.

— Есть, — сказала Лида. — Ты сам весной чинил там ступени.

— Возможно, чинил. Но зачем мне было это делать?

Мира подняла велосипед и поставила поперёк улицы, перекрыв колёсами край круга.

— Затем, что дети пользуются общим подвалом. Факт не исчез оттого, что исчезло чувство. Семён Ильич, у вас есть ключи?

Он достал тяжёлую связку.

— От собственного дома.

— Найдите ключ, который кажется лишним.

Мужчина перебрал ключи и задержал палец на маленьком латунном.

— Этот никуда не подходит.

— Подходит к двери в общий двор. Ведите меня, но не пересекайте светлое место.

Он хотел возразить, однако курьерский жетон всё ещё означал право остановить опасную доставку. Мира не стала объяснять, что никакой доставки у неё сейчас нет.

В правом доме пахло углём, варёной капустой и мокрой шерстью. На первом пролёте висела доска объявлений. Половина листков была приколоты сразу двумя кнопками разных цветов: «дежурство по двору», «общая закупка песка», «праздник урожая». Между названиями домов кто-то везде провёл знак равенства. Теперь чернила на середине линий побледнели.

Маленький ключ открыл дверь под лестницей.

За ней начинался коридор, который Семён Ильич будто увидел впервые.

— Здесь не должно быть прохода, — сказал он.

— Но он есть.

— Стена несущая.

— Вы пробили арку двадцать лет назад, — крикнула из подъезда Лида. — После того пожара, чтобы был второй выход.

Мужчина провёл пальцами по кирпичной перемычке. На ней сохранились насечки и дата.

— Почерк мой, — признал он. — А решение не помню.

— Решение осталось в стене, — сказала Мира. — Сейчас этого достаточно.

В подвале женщина читала детям вслух. Она подняла голову, когда Мира вошла, но не прервала фразу. Десять ребят сидели полукругом на ковре, составленном из лоскутов. На каждом лоскуте было вышито имя жильца. По шву между двумя половинами ковра расплзалась бесцветная полоса.

— Закрываем занятие, — сказала Мира. — Выходим через правый дом по одному.

— Родители предупреждены? — спросила воспитательница.

— Связь не работает. Опасность во дворе.

— Какая?

— Разрыв соседской связи.

Дети заговорили одновременно. Девочка у стены подняла руку.

— Это когда забываешь соседа?

— Факты могут остаться. Исчезает понимание, почему вы друг другу не чужие.

— А если мы друзья?

— Не проверяем. Берёмся не за руки, а за верёвку.

У двери висела толстая верёвка для подвижных игр. Мира велела каждому обхватить её обеими руками, оставляя расстояние. Прикосновения могли создать ложное чувство безопасности: если связь исчезнет на полпути, ребёнок отпустит знакомую ладонь, не понимая, почему должен держать. Верёвка не требовала узнавания. У неё была простая функция — вести к выходу.

Воспитательница пересчитала детей. Девять.

— Было десять, — сказала Мира.

— Девять по списку.

На ковре осталось пустое место, хотя лоскуты лежали вплотную. Мира моргнула. Между зелёным квадратом «Павлик» и красным «Соня» проступала бесцветная вставка без имени.

— Кто сидел здесь?

Дети посмотрели друг на друга.

— Никто, — сказал мальчик с первым концом верёвки.

Из глубины подвала донёсся тихий стук.

Три удара. Пауза. Ещё три.

Мира пошла на звук. За стеллажом с банками оказалась низкая дверь в угольную кладовую. Ручка не поворачивалась: дерево перекосило от сырости. За дверью кто-то снова постукивал.

— Я здесь! — крикнул ребёнок. — Тётя Ира, откройте!

Воспитательница нахмурилась.

— Кто это?

Мира почувствовала холод не от подвала. Пустота уже прошла между ребёнком и взрослой, которая минуту назад отвечала за него.

— Тот, кого вы обязаны вывести, даже если не узнаете, — сказала она. — Семён Ильич, инструмент.

Он снял с гвоздя ломик. Вместе они поддели дверь. Дерево треснуло, из кладовой выскочил худой мальчик лет восьми, весь в угольной пыли. Он бросился к воспитательнице и остановился, увидев её лицо.

— Тётя Ира?

Она посмотрела на список, потом на него.

— Как тебя зовут?

— Миша. Я за мячом полез. Вы сказали быстро.

В списке между девятой строкой и нижним краем листа было место для ещё одной записи. Чернила исчезли, но бумага сохранила нажим: бороздки складывались в буквы.

Мира положила лист на банку и боком поднесла фонарик. «Михаил Савин, правый дом, квартира 6».

— Вот твоя запись, — сказала она. — Вставай к верёвке после Сони.

— Она меня не помнит.

— Сейчас нам не нужна её память. Нам нужно её решение вывести каждого ребёнка. Воспитательница вздрогнула, словно Мира ударила её.

Потом сняла с плеч шарф и повязала мальчику на шею, прикрыв тонкую рубашку.

— Я не помню, — сказала она, затягивая узел, — но отвечаю за тебя. Идём.

Это был не серебряный жест. Он ничего не возвращал. Однако край бесцветного лоскута на ковре перестал расширяться.

Они вывели детей через правый подъезд. На улице собирались жильцы. Люди держали документы, домашних животных, узлы с одеждой. Кто-то спорил, какой дом должен пустить их во двор, кто-то требовал доказать родство. Пустота добралась до общей водяной колонки: две женщины стояли по разные стороны рычага и каждая считала, что другая пользуется её водой.

Мира встала на ступеньку.

— Слушайте. Не пытайтесь сейчас вспомнить, кого вы любили и кому доверяли. Это может быть уже повреждено. Берите только проверяемое: списки жильцов, ключи, обязанности, следы совместной работы. Выходим через внешние двери, не через арку. Дети — первыми. Потом те, кому нужна помощь.

— А вы кто такая? — спросил мужчина с клеткой, где металась канарейка.

— Курьер Палаты.

— Значит, это вы принесли?

Толпа качнулась к ней. Мира поняла, как легко дать удобный ответ: сказать, что виноват Ратнер, фонд, неизвестный похититель корня. Назвать врага вместо инструкции.

— Нет, — ответила она. — Но я видела такое место раньше и знаю, чего нельзя делать. Не пересекайте край. Не заставляйте людей доказывать чувства. Помогайте по записанным обязанностям, пока чувства ненадёжны.

Лида подняла кастрюлю.

— У меня на крышке имя Семёна.

На эмали действительно было выцарапано: «С. И., не забудь вернуть».

— Значит, вы передавали её раньше, — сказала Мира. — Но сейчас не обязаны продолжать. Решите сами.

Лида посмотрела на соседа. В её лице было горе человека, которого забыли при жизни. Потом она вручила кастрюлю другому жильцу.

— Отнесите в пункт сбора. Там десять детей.

Не Семёну. Не как доказательство прежней дружбы. Просто туда, где еда была нужна сейчас.

Семён Ильич молча взял у старухи с верхнего этажа сумку и понёс к выходу. Возможно, тоже не ради Лиды. Этого никто у него не потребовал.

Бледный круг между домами вздулся.

Из трещины в мостовой показался тонкий серебряный корень. Он лежал неглубоко, переплетённый с трубами, кабелями и настоящими корнями дворового тополя. На конце болталась металлическая бирка.

Сорок семь.

Номер корневого шупа Ратнера.

Мира опустила на корточки, не пересекая край. Бирка находилась в двух шагах от неё. Доказательство, которое могло связать судебного мастера с незаконным извлечением, почти просилось в руку.

Она достала из сумки щипцы для футляров.

— Не трогайте, — сказал Ян.

Он появился со стороны Рыночной площади, толкая перед собой тележку с мешками земли. Рабочее пальто было расстёгнуто, волосы прилипли ко лбу. За ним бежали двое садовых сторожей с катушками красной нити.

Мира не убрала щипцы.

— На корне бирка его инструмента.

— Вижу.

— Если пустота её поглотит, Ратнер скажет, что мы придумали номер.

— Если вы потянете, корень разрежет ещё одну связь.

— Какую?

— Ту, которой он сейчас касается. Узнаем после.

Это было худшее свойство пустоты: цена становилась видна только после оплаты.

Мира сложила щипцы и убрала в сумку.

— Я сфотографирую.

— С трёх точек, с общим планом и временем. Не заходя в круг.

Она сделала снимки. Ян не отводил взгляда от корня, но дождался, пока Мира закончит, и только тогда велел сторожам разматывать нить.

— Где внешний край? — спросил он.

Мира показала велосипед.

— Был у переднего колеса пять минут назад. Сейчас под рамой.

— Людей вывели?

— Десять детей, воспитательницу, жильцов первого подъезда. Во втором осталась женщина, которая не ходит.

— Зоя Матвеевна, — сказала Лида. — Второй этаж левого дома.

Семён Ильич повернулся к ней.

— Откуда вы знаете имя моей сестры?

Лида закрыла рот ладонью.

Мира посмотрела на Яна.

— Их дружба уже повреждена. Теперь семейная связь?

— Корень ищет не родство, — ответил он. — Он идёт по самому используемому переходу между людьми. Здесь два дома жили как один. Поэтому пустота не может выбрать одну линию и расплзается по всем общим делам.

— Как её остановить?

— Не восстановлением. Нужно временно разделить контуры, пока мы посадим корень в переносную землю.

— Разделить дома?

— Их сети. Воду, свет, проходы, списки дежурств. Всё общее.

Лида услышала и шагнула к нему.

— Вы хотите сделать нас чужими, чтобы эта дрянь не успела?

— Вы уже не узнаете часть связей, — сказал Ян. — Я хочу, чтобы пустоте некуда было идти дальше.

— А потом?

— Потом вы сами решите, что соединить заново.

Он не обещал вернуть прежнее. Мира заметила, как Лида возненавидела его за честность — и всё-таки кивнула.

Сторожа провели красную нить вдоль фасадов. Жильцы называли общие линии: один электрический щит, одна колонка, подвальный проход, чердачная сушилка. Каждое название отмечали узлом. Мира записывала тех, кто вышел, не полагаясь на устные узнавания.

— Вы нарушили маршрут, — сказал Ян, когда оказался рядом.

— У меня не было активной доставки.

— В сумке вещественное доказательство.

— Копия. Оригинал у мастера.

Он коротко посмотрел на неё. Не одобрение — проверка, после которой один риск оказался меньше.

— Палата знает, где вы?

— Нет. Номер перестал вести в Палату.

— Мой вызов пришёл через садовую сеть. Кто-то привязал её к корневым меткам, поэтому мы чувствуем разрыв раньше городских служб.

— Или тот, кто вырывал корни, хотел, чтобы вы приезжали первым и выглядели виноватым.

Ян затянул узел на нити.

— Это тоже возможно.

С лестничного окна второго этажа высунулась седая женщина.

— Семён! Почему все уходят?

Он поднял голову. Несколько секунд его лицо оставалось пустым.

— Я сейчас, Зоя.

Факт имени удержался. Этого хватило, чтобы он побежал в дом.

Ян схватил его за плечо до края круга.

— Через арку нельзя.

— Там моя сестра.

— Через заднюю лестницу.

— Её заклинило ещё зимой.

Мира вспомнила насечки на кирпичной перемычке и общий путь, созданный после пожара.

— Подвальный проход выходит в левый дом. Мы открыли дверь.

Семён Ильич уставился на неё.

— Из моего дома?

— Из дома, который вы пока считаете своим. Идём.

Она повела его тем же коридором. Воспитательница осталась у детей, поэтому верёвку Мира взяла с собой. Они обвязали её вокруг перил задней лестницы. На втором этаже Зоя Матвеевна сидела на табурете у двери, в пальто поверх ночной рубашки.

— Долго же ты, — сказала она брату.

Семён опустил перед ней.

— Я знаю, что вы Зоя. Знаю квартиру. Знаю, где лежит ваше лекарство. Но должен предупредить: я сейчас не чувствую, что мы родные.

Старуха посмотрела на него, затем на Миру.

— Это пройдёт?

— Не знаю, — честно сказала Мира.

Зоя взяла брата за подбородок.

— Тогда не изображай. Спина у тебя от этого не станет крепче. Поддай трость.

Он подал. Потом нашёл в шкафчике лекарство, проверил надпись и убрал в карман. Они спустились медленно: Мира впереди, Зоя держалась за верёвку, Семён шёл ниже, готовый принять её вес. Он не помнил, зачем должен беречь эту женщину, но каждый раз ставил ногу так, чтобы она не сорвалась.

Когда они вышли, Ян уже опустил серебряный корень в мешок с чёрной землёй. Он не выдёргивал его. Двое сторожей вскрыли мостовую вдоль естественной трещины и подняли корень вместе с комом грунта, трубной окалиной и тонкими корешками тополя. Бирка номер сорок семь осталась снаружи, запечатанная прозрачной садовой смолой.

Пустой круг перестал расти.
Но не исчез.

Между домами лежала светлая полоса шириной в три шага. По обе стороны стояли люди, которые ещё утром передавали друг другу ключи, детей, кастрюли и новости. Теперь они читали собственные общие объявления как документы незнакомого учреждения.

— Когда вернутся связи? — спросила воспитательница.

Ян снял перчатки.

— Некоторые могут вернуться, если корень сохранил их край. Некоторые придётся строить заново. Некоторые вы решите не возвращать.

— Вы всё время говорите так, будто потеря — тоже право.

— Иногда да.

— А у Миши было право, чтобы я его забыла?

— Нет. Поэтому тот, кто извлёк корень, ответит за насилие. Но мы не исправим его вторым насилием.

Мира достала карточку фонда, не разворачивая.

«Право отказаться не должно быть сильнее права любить».

Здесь эта фраза могла показаться милосердной. Кто откажется вернуть воспитательнице ребёнка, брату сестру, соседям десятилетия дружбы? Но если Вера Сойма предлагала соединять два несовместимых жеста, она возвращала не связь, а обязанность чувствовать по её решению.

Со стороны площади зазвенел курьерский велосипед. Неля остановилась у красной нити и оглядела двор.

— Ланская!

Мира подняла руку.

— Доказательство при мне. Печать не нарушена.

— Я вижу, что не нарушена. Почему тревожный жетон молчит?

— Пустота перерезала назначение номера.

Неля выругалась вполголоса, затем повернулась к Яну.

— Масштаб?

— Два дома, пять повреждённых переходов, один извлечённый корень. Возможно, больше — проявится после сверки связей.

— Пострадавшие?

— Физически нет, — сказала Мира. — Эвакуированы десять детей и взрослые. Один ребёнок был забыт в кладовой, но его нашли по следу записи.

Неля посмотрела на неё долгим взглядом.

— Кто дал команду на эвакуацию?

— Я.

— На каком основании?

— Непосредственная угроза адресатам и свидетелям.

— У тебя не было адресатов.

— Тогда на основании того, что там были люди.

Неля сжала губы. Мира ждала выговора. Вместо этого начальница сняла с багажника складной столик и велела жильцам подходить по одному для фиксации утрат.

— Формулировки не меняй, — сказала она Мире. — В рапорте напишешь именно так. Мне придётся объяснять Палате, почему курьер присвоила полномочия спасательной службы.

— И что ты скажешь?

— Что спасательная служба не приехала, потому что её номер забыл, куда ведёт.

Неля протянула руку за запечатанной копией. Проверила шов, поставила приёмную метку и убрала пакет в свою сумку.

— Теперь вещественное доказательство у меня. Ты остаёшься здесь свидетелем до конца описи.

— А Ратнер?

Мира показала фотографии бирки.

Неля просмотрела их и стала старше на несколько лет.

— Сорок седьмой.

— Ян запечатал его на корне.

— Хорошо. Не произноси фамилию при жильцах. Номер доказывает инструмент, не руку.

— Фонд знает о регистрационной пробе Коваля.

— Какой фонд?

Мира развернула бумагу и показала карточку. Под дневным светом две ладони в серебряном круге почти складывались в единый жест.

Неля не прикоснулась к ней.

— Вера Сойма?

— Сегодня в шесть.

— Ты не пойдёшь одна.

— Это приказ?

— Граница, — сказала Неля. — Приказом я могу запретить тебе использовать жетон и говорить от имени Палаты. Решить, идти ли как частное лицо, можешь только ты.

Мира посмотрела на Яна. Он стоял у мешка с корнем и записывал номер инструмента в садовый журнал. Он не спросил, куда её приглашали, и не предложил сопровождение, которого она не просила.

Потом поднял голову.

— Если захотите понять, что именно они покажут, сначала приезжайте в сад, — сказал он. — Я дам увидеть здоровую посадку. Без имён и без извлечения.

— Во сколько?

— В четыре. Ворота будут открыты до четырёх пятнадцати.

Не «я буду ждать». Не «вам нельзя идти». Проверяемый промежуток времени и ясная граница.

— Приеду, — сказала Мира.

На другой стороне светлой полосы Лида Павловна разливала суп детям в бумажные стаканы. Семён Ильич помогал Зое устроиться на скамье, которую жильцы когда-то красили вместе. Он не смотрел на Лиду. Она не звала его.

Между ними исчезло прошлое основание для заботы, но сама забота не исчезла из города. Она переходила в новые руки без серебра, без приказа и без обещания, что за неё непременно вознаградят прежним чувством.

Мира внесла в список десятое имя, восстановленное по нажиму на бумаге.

Под строкой «Михаил Савин» она оставила свободное место.

Не для того, кого пустота заставит забыть следующим.

Для связи, которую люди выберут заново.

Глава 5. Квитанция матери

К полудню два дома получили разные номера.

Раньше в городском реестре они значились как Восточная, семнадцать, корпуса один и два, но жильцы почти никогда не произносили номер корпуса. Теперь Неля велела временно разделить адреса: семнадцать-зелёный и семнадцать-синий. Цветные полотнища повесили над дверями, отдельные списки жильцов прикрепили к отдельным столам, а ключи разложили в два ящика.

— Это не навсегда, — повторяла Мира каждому, кто спрашивал.

На третий раз Неля отвела её в сторону.

— Не обещай срок, которого не знаешь.

— Я не называю срок.

— «Не навсегда» — тоже срок. Вполне возможно, они сами решат оставить часть переходов закрытыми.

Мира посмотрела на Лиду Павловну. Та сидела за зелёным столом и вносила в список посуду из общей кладовой. Семён Ильич работал у синего, записывая инструменты. Они ни разу не обратились друг к другу.

— Сорок два года дружбы нельзя отменить одной дырой в мостовой.

— Нельзя, — согласилась Неля. — Но нельзя и обязать их снова дружить только потому, что прежде они это делали.

Та же граница, которую проводил Ян. Мира начинала злиться на смысл именно потому, что он не менялся от голоса говорящего.

У красной нити остановился посыльный Палаты. Он держал серую архивную коробку обеими руками и выглядел так, словно всю дорогу боялся забыть её назначение.

— Неля Аркадьевна? Из нижнего реестра. Вы запросили все случаи с инструментом сорок семь.

— Я запросила электронную выборку.

— Электронная не открывается. Архивариус сказал, пустота могла задеть перекрёстные ссылки. Прислал карточки за двадцать лет.

Неля приняла коробку и проверила печать.

— Почему сюда?

— В Палате сказали, вас нет. Где вы есть, номер не сообщил.

— Как вы нашли?

Посыльный показал бумажную карту. На ней красным карандашом был обведён квартал.

— По месту, а не по связи.

Неля хмыкнула.

— Сегодня бумага умнее половины наших отделов.

Коробку поставили на складной столик. Мира продолжала опись ещё двадцать минут, но взгляд всё время возвращался к серой крышке. Щуп номер сорок семь был выдан Ратнеру не навечно. До него им пользовались садовые ревизоры, мастера описи, судебные хранители. Где-то среди карточек мог быть не виновный, а маршрут инструмента.

Когда последний жилец подписал временный адрес, Неля протянула Мире хлопковые перчатки.

— Сортируй по дате. Ищи изъятия без акта посадки, повторные вскрытия, исправленные номера грядок.

— Я свидетель происшествия.

— Поэтому карточки не уносим и работаем вдвоём. Ратнер отстранён от доступа до внутренней проверки.

— Он знает?

— Сейчас ему это объясняет комиссия. Если услышишь отсюда крик, значит, знает.

В коробке лежали плотные карточки с металлической кромкой. Каждая доставка существовала в трёх строках: кто оставил отражение, кому предназначил, чем завершился маршрут. «Получено». «Отказ». «Адресат умер до вручения». «Посажено по истечении срока». Подписи курьеров были живыми и неровными; печати — слишком правильными.

Мира раскладывала годы стопками. Пятнадцать лет назад она сама впервые вошла в Палату, не как курьер — как девочка, которой сказали, что мать могла оставить последний жест.

Тогда им с Асей не показали ни футляра, ни записи. Сотрудница за высокой стойкой долго листала журнал, потом произнесла: «Отправление не зарегистрировано». Мира запомнила не слова, а фиолетовое пятно чернил на её большом пальце. Ей показалось: если смотреть достаточно внимательно, женщина передумает и признается, что спрятала футляр под стойкой.

Ася ждала на улице. Ей было двенадцать, Мире — шестнадцать. Младшая сестра спросила только: «Ну?» Мира ответила: «Ничего нет», — и с тех пор обе жили внутри этой короткой фразы по-разному.

— Ты пропустила год, — сказала Неля.

Мира обнаружила, что держит стопку слишком крепко.

— Какой?

— Тот, который у тебя в руках.

На верхней карточке стояла дата смерти незнакомого булочника. Ниже — ещё одна доставка, потом ещё. Мира переложила их по порядку.

Внутри стопки серебряная кромка одной карточки потемнела от частых прикосновений. Отправитель: Ланская Элина Марковна.

Мира сначала увидела фамилию. Потом имя. Затем адресата.

Ланская Мира Элиновна.

Получено лично.

Она прочла строку ещё раз. Буквы не изменились.

— Неля.

Начальница подняла голову.

— Что?

Мира не смогла ответить. Просто повернула карточку.

Неля прочла её молча. Потом сняла свою перчатку, достала чистый конверт и положила рядом, не касаясь находки.

— Это твоя мать?

— Да.

— Дата совпадает?

— Через шесть дней после исчезновения. Тело нашли утром. В тот же вечер мы с Асей пришли в Палату. Нам сказали, что доставки нет.

В графе времени вручения стояло 14:20. Мира помнила этот час. В 14:20 они сидели в полицейском коридоре. Ася спала у неё на плече, укрытая чужим пальто. Мира никуда не выходила.

— Я не получала.

Неля наклонилась к карточке.

— Подпись твоя?

На строке адресата стояло «М. Ланская». Две быстрые петли, резкий хвост. Похоже на нынешнюю подпись Миры, только слишком похоже — будто человек видел её сотни раз и выбрал среднюю форму.

— В шестнадцать лет я подписывалась полностью. Боялась, что инициалы можно перепутать с Асиными.

— А имя у неё?

— Ася — Анастасия. Та же буква фамилии, не та же первая.

Неля нашла лупу. Печать курьера была старого образца: крылатый круг, номер смены и короткий штрих маршрута. Имя курьера не указывалось, только личный номер.

— Семьсот двенадцать, — прочла Мира.

— Знаком?

— Нет.

Неля перевернула карточку. На обороте полагалось отмечать состояние футляра и особые условия. Здесь стояла одна фраза: «Адресат подтвердила завершение жеста без демонстрации».

— Так не бывает, — сказала Мира.

— Сейчас — не бывает.

— И тогда не бывало. Курьер обязан увидеть начало жеста, чтобы подтвердить подлинность доставки. Не весь смысл, не содержание, но первое движение.

— Возможно, правило изменили после этого случая.

— Я изучала старые уставы. Не изменяли.

Неля достала из коробки разделитель за тот месяц. На нём была прикреплена тонкая ведомость номеров. Они нашли семьсот двенадцатого.

«Жетон выведен из обращения за утратой».

Дата утраты — за два дня до смерти Элины.

Мира ощутила, как окружающий шум отдалился. Жильцы двигали столы, дети просили добавки, сторож затягивал садовую смолу на корне. Всё происходило рядом, но перестало быть связано с ней.

— Потерянным жетоном провели доставку моей матери.

— Или карточку внесли позже и указали потерянный номер, — сказала Неля.

— Зачем?

— Пока это вопрос, а не ответ.

Мира уже листала соседние карточки. Все были прошиты в углу серой нитью. Материнская держалась на серебряной скобе.

— Её вставили отдельно.

— Возможно.

— Бумага того же возраста.

— Возможно, использовали пустой бланк.

— Кто имел доступ к нижнему реестру?

— За пятнадцать лет? Сотни людей.

— Ратнер?

— Не превращай подозрение в универсальный ключ.

Неля говорила спокойно, но уже раскрывала доказательный конверт.

— Карточку изымаем отдельным актом. Ты не касаешься её после обнаружения и не участвуешь в проверке подлинности.

— Это запись обо мне.

— Именно поэтому.

Мира посмотрела на графу «Получено лично». Два слова делали её участницей события, которого не было. Если запись считалась правдой, искать отражение матери было бессмысленно. Оно якобы уже пришло, завершилось и исчезло.

— А если я действительно получила и забыла?

Неля подняла взгляд.

— Ты сказала, что в это время была в полиции.

— Пустота оставляет факты и стирает связь. Может, я помню коридор, но не понимаю, что выходила оттуда.

— Кто был с тобой?

— Ася.

— Она помнит?

— Что я не уходила — да.

— Тогда сначала проверяем независимое свидетельство. Не позволяем одной карточке переписать твою жизнь только потому, что на ней есть печать.

Это было разумно. Поэтому Мира почувствовала почти ярость.

— Печать Палаты пятнадцать лет была достаточной для чужих жизней.

— И каждый раз могла оказаться ошибочной. Ты только сегодня увидела, что обязанность переживает утраченное чувство надёжнее, чем память. Примени это к себе.

Неля вложила карточку в конверт, заклеила и расписалась поперёк шва. Мира подписала акт свидетеля. Подпись вышла совсем не похожей на ту, что стояла в реестре: имя полностью, каждая буква отдельно.

— Мне нужно позвонить Асе.

— Позвони. Не задавай вопрос так, чтобы подсказать ответ.

Мира отошла к синему полотнищу. Телефон Аси не отвечал. После третьего гудка включилась запись: «Если разбилось обычное зеркало — положите осколки в коробку. Если необычное — не смотрите и ждите».

— Это я, — сказала Мира после сигнала. — Перезвони, когда сможешь. Мне нужно уточнить один день. Не срочно.

Последние два слова были ложью, но хотя бы не подсказывали ответ.

Она вернулась к коробке.

— Что ещё связано с карточкой?

Неля указала на нижний угол конверта.

— Номер регистрационной пробы.

Мира почувствовала, как бумажная карточка фонда тяжелеет в кармане.

— Такой же номер был на коробке, которую принёс человек Веры Соймы?

— У Ковалёва — другой. Но фонд знал, где его искать.

— Значит, их интересуют старые пробы.

— Или кто-то из архива продаёт им доступ.

Регистрационная проба не была копией отражения. Крошечный след серебряного почерка сохраняли только для проверки подлинности: начало движения без адресата и без смысла. Из одной пробы нельзя было восстановить жест. Из двух чужих следов, как доказала Ася, можно было заставить человека достроить ложный.

— Где проба матери?

— По карточке — в хранилище Палаты.

— Проверим сейчас.

— Проверит комиссия.

— К шести фонд может её вынести.

— К шести фонд может показать тебе пустую коробку и убедить, что украли именно то, чего ты хочешь. Поэтому ты не побежишь в хранилище, размахивая семейной карточкой.

— Я и не собиралась размахивать.

— Ты уже стоишь так, будто собиралась выбить дверь плечом.

Мира заставила себя разжать пальцы.

У зелёного стола Миша протянул воспитательнице пустой стакан. Та прочла его имя на бумажной метке, приколотой к шарфу, и налила ещё супа. Не вспомнила. Не притворилась. Выполнила обещание, данное после утраты.

— Что я могу сделать законно? — спросила Мира.

— Завершить опись. В три часа приехать в Палату как свидетель и передать фотографии комиссии. В четыре, если по-прежнему захочешь, посмотреть здоровую посадку у Ровена. В шесть — принять своё решение о фонде, не используя служебный жетон.

— А проба?

— Я подам срочное требование о физической проверке. Не электронной. Два сотрудника, разные ключи, непрерывная запись.

— И сообщишь мне результат?

— Сообщу то, что комиссия разрешит сообщить заинтересованному адресату.

— Удобная граница.

— Не обязана быть удобной, чтобы оставаться правильной.

Мира снова надела перчатки и продолжила сортировку. Карточки больше не были чужими историями. В каждой подписи она видела возможность подделки, в каждой печати — потерянный жетон, в каждой строке «получено» — человека, которому могли внушить завершение.

Но большинство карточек выдерживали проверку соседними следами. Вот адресат отказался — и ниже стоял акт посадки с подписью садовника. Вот курьер не застал получателя — и три даты повторного визита подтверждали маршрут. Вот футляр вернулся в хранилище после смерти адресата — и родственник расписался только за уведомление, не за чужой жест.

Система была не одной печатью. Она держалась на том, что разные люди оставляли независимые следы. Чтобы подделать правду, требовалось сделать их зависимыми друг от друга или заставить всех смотреть только на один документ.

— Нашла ещё один потерянный жетон, — сказала Мира.

Карточка была на год старше материнской. Номер сто восемьдесят три, утраченный за неделю до доставки. Адресат якобы получил отражение и на следующий день уехал из города. Регистрационная проба хранилась в том же секторе, что проба Элины Ланской.

Неля положила рядом второй конверт.

Потом нашёлся третий случай. И четвёртый.

Разные годы, разные курьеры, разные районы. Везде потерянный жетон, личное получение без демонстрации, проба в старом секторе нижнего хранилища. Ни одного акта посадки.

— Это не попытка спрятать одну доставку, — сказала Мира.

— Нет.

— Кто-то собирал отражения, а в реестре закрывал маршрут.

— Мы пока знаем только, что карточки похожи.

— Четыре совпадения.

— Четыре основания проверить. Не четыре разрешения придумать ответ.

Неля сложила конверты в отдельную папку.

Телефон Миры завибрировал. Ася.

Мира отошла, включила громкую связь только после согласия сестры и положила аппарат на стол, чтобы Неля слышала вопрос и ответ.

— Помнишь день, когда мы ждали в полиции после маминой смерти? — спросила она. На другом конце повисла тишина.

— Помню.

— Я уходила между двумя и тремя?

— Нет.

— Ты уверена?

— Ты сидела справа от меня. Я спала у тебя на плече. Когда проснулась, на твоём рукаве отпечаталась молния от моего пальто. Потом следователь принёс чай, и ты пролила свой, потому что рука затекла.

Независимые детали. Не просто уверенность.

— Почему ты спрашиваешь?

Мира посмотрела на Нелю. Та едва заметно кивнула: теперь можно рассказать.

— В реестре есть карточка маминой доставки. Я указана адресатом. Время — четырнадцать двадцать. Стоит подпись, будто я получила отражение.

Ася долго не отвечала.

— Ты не получала.

— Я знаю.

— Тогда зачем говоришь так, будто карточка важнее нас обеих?

Мира закрыла глаза. Сестра услышала именно то, что она пыталась скрыть.

— Потому что там есть номер пробы. И ещё три похожие поддельные доставки.

— Мира, не ездь за мамой.

— Я не еду.

— Ты всегда едешь. Даже когда стоишь на месте, у тебя уже проложен маршрут.

— Я обязана выяснить, что украли.

— Выяснить — да. Решить заранее, что внутри мама, — нет.

Мира хотела сказать, что никогда не считала отражение человеком. Она знала правила лучше многих. Один жест, не личность. Незавершённое движение, добровольно названный адресат. Но пятнадцать лет назад ей не дали даже этого предела. Пустая строка стала центром её профессии.

— Я приеду к тебе после сада, — сказала она.

— После какого сада?

— Ян покажет здоровую посадку. Потом фонд хочет показать восстановленную семью.

— И ты решила уместить мать между двумя экскурсиями?

— Я ничего не решила.

— Тогда реши хотя бы одно: карточку проверяет кто-то другой. Ты сегодня не прикасаешься ни к одной маминой пробе.

Мира посмотрела на запечатанный конверт.

— Хорошо.

— Это обещание мне или способ закончить разговор?

— Обещание. Сегодня я не прикасаюсь к пробе и не прошу никого вынести её для меня.

Ася выдохнула.

— Вот теперь приезжай.

Связь оборвалась.

Неля записала время обещания на обратной стороне акта.

— Обязательно? — спросила Мира.

— Проверяемый след.

— А если я передумаю?

— Позвонишь сестре и скажешь до поступка. Обещание не ловушка. Но скрытая лазейка превращает его в подделку.

В три часа они закрыли серую коробку. Четыре карточки лежали в доказательной папке, каждая в отдельном конверте. Материнская ничем не выделялась, кроме того, что Мира могла восстановить каждую минуту дня, которого в ней не было.

Перед отъездом она подошла к границе между домами. Светлая полоса оставалась на мостовой, но больше не двигалась. Лида Павловна красила зелёной краской половину ста-

рой скамьи. Синяя половина сохла рядом. Между цветами она оставила узкую полосу голого дерева.

— Не договорились? — спросила Мира.

— Пока нет, — ответила Лида. — Раньше тоже сперва ругались о цвете. Только я помнила, зачем уступаю. Теперь буду смотреть, стоит ли.

— А Семён Ильич?

— Отнёс Зою к врачу. Суп вернул через мальчика. Кастрюлю вымыл плохо.

В её голосе на мгновение прозвучала старая насмешка. Потом исчезла. Этого было мало для возвращения дружбы и достаточно для первого нового наблюдения.

Мира провела пальцем над полосой некрашеного дерева, не касаясь её.

— Может, оставьте так.

— Может, закрасим завтра. Пустое место — ещё не решение.

Мира села на велосипед. В кармане лежала карточка фонда, в памяти — чужая подпись под словами «получено лично». До четырёх оставался час. Она могла поехать в Палату и ждать вскрытия хранилища. Могла нарушить обещание так, чтобы Ася не узнала. Могла убедить себя, что право адресата сильнее процедуры.

Вместо этого она повернула к Северному саду.

Чтобы увидеть, как выглядит жест, которому позволили не быть полученным.

Глава 6. Право не помнить

Северный сад встретил Миру открытой калиткой.

Вчера здесь висела цепь, а Ян стоял по другую сторону и требовал назвать основание для входа. Сегодня на створке белела дощечка: «Посадка в 16:00. Присутствие — только с согласия адресата». Ни имени, ни номера доставки. Под дощечкой лежали три чистых жетона посетителя и карандаш. Мира записала время, расписалась и взяла крайний жетон.

Ян ждал у дорожки в рабочем пальто. Рядом с ним стояла женщина лет пятидесяти в коротком сером плаще. Она держала плоский футляр обеими руками, как поднос, который нельзя ни поставить, ни предложить другому.

— Мира Ланская, курьер, — представилась Мира. — Я могу присутствовать при посадке и не узнавать содержание жеста. Если вы передумаете, я уйду.

Женщина посмотрела не на неё, а на Яна.

— Она та самая?

— Та, которой я предложил увидеть процедуру, — ответил Ян. — Решение всё равно ваше, Зоя Андреевна.

Он не поручился за Миру и не стал уговаривать. Почему-то именно это помогло.

— Оставайтесь, — сказала женщина. — Только не спрашивайте, кто прислал.

— Не спрошу.

— И почему отказалась — тоже.

— Тоже.

Зоя Андреевна протянула футляр Яну, но он не взял.

— До грядки несёте вы. Я отвечаю за посадку, не за передачу решения.

Они пошли втроём. Дорожка сворачивала между низкими изгородями. За ними росли серебрилисты: одни высотой по колено, другие едва показывались из тёмной земли. На каждом шевелилась своя форма света. Где-то ладонь закрывала пуговицу на детском пальто. Где-то две чашки сдвигались на столе, хотя ветви оставались неподвижны. Жесты повторялись без лиц и голосов, не пытаясь стать людьми.

Мира сбавила шаг. В старом реестре напротив материнской доставки не было акта посадки. Только ложь о завершении. Если Элина Ланская назвала адресата, а адресат отказался, где-то должен был расти такой лист. Если не отказался — должен был остаться свидетель начала жеста. Поддельная карточка уничтожала оба пути.

— Вы опять строите маршрут, — тихо сказал Ян.

— Я иду по дорожке.

— Ногами — да.

Мира хотела ответить резко, но впереди остановилась Зоя Андреевна. Она явно слышала.

— Курьеры все такие? — спросила она.

— Хорошие, — сказал Ян.

— Не все, — сказала Мира одновременно.

Зоя Андреевна впервые усмехнулась.

Грядка находилась в круглом дворике. В центре была подготовлена яма, неглубокая и широкая. По краю лежали инструменты, моток серебряной нити, глина и две дощечки. На первой значилось: «Принять». На второй: «Посадить». Между ними оставалось место для третьего исхода.

— Сначала проверка выбора, — сказал Ян. — Я задам вопросы, которые уже задавал. Вы можете не отвечать вслух. Можете остановить посадку до того, как футляр коснётся земли. После посадки жест нельзя извлекать без вреда корню и связанным с ним людям.

— Каким людям? Я его не принимаю.

— Связь не исчезает от отказа. Она перестаёт требовать от вас действия. Сад сохраняет факт добровольного послания и вашего добровольного «нет». Не содержание.

Зоя Андреевна крепче прижала футляр.

— А если через год захочу узнать?

— Нельзя будет выкопать прежний жест. Можно прийти, увидеть дерево, вспомнить своё решение и принять новое решение о собственной жизни.

— Очень удобно устроились мёртвые. Сказали последнее слово — и всё.

Ян присел у ямы, проверяя грунт пальцами.

— Поэтому последнее слово не сильнее вашего нынешнего.

Женщина отвернулась. Мира видела её профиль и тонкую жилку у виска. В Палате получателей учили не подталкивать к открытию, но сам порядок доставки толкал: курьер прибыл, документы оформлены, умерший выбрал тебя. Отказ казался поломкой маршрута. До вчерашнего дня Мира считала, что её работа заканчивается лишь тогда, когда жест совершён.

— Вам объяснили, что находится внутри? — спросила она.

Зоя Андреевна насторожилась.

— Один жест. Не человек, — продолжила Мира. — Он ничего не докажет о всей его жизни и ничего не потребует от вашей. Вы не обязаны открывать футляр, чтобы отказ считался осознанным.

— А вы сами открыли бы?

Вопрос попал точно туда, где лежала карточка с чужой подписью.

— Сегодня мне хотелось бы сказать «да», — ответила Мира. — Поэтому я не могу советовать вам поступить так же.

Зоя Андреевна долго смотрела на неё, потом опустила на корточки. Футляр лёг рядом с ямой, но не в неё.

— Я помню его достаточно, — сказала она. — Все говорят: вдруг там извинение. Будто одно извинение должно поселиться у меня дома и каждый день проверять, простила ли я. Не хочу.

— Этого достаточно, — сказал Ян.

Он не спросил, кем был умерший. Надел перчатки и предложил Зое Андреевне выбрать нить. На катушке чередовались тёмные и светлые участки.

— Светлая означает согласие? — спросила она.

— Нет. Цвет нужен, чтобы видеть целостность обвязки. Выберите тот, который заметите, если узел ослабнет.

Она выбрала тёмный.

Ян показал первый узел на пустом деревянном бруске. Зоя повторила его вокруг футляра. Узел получился неровным, с длинным концом.

— Переделать? — спросила она.

— Если мешает вам. Для сада он годится.

Она оставила как есть.

Футляр опустили в землю длинной стороной на восток. Ян не касался крышки. Он подсыпал глину по краям, а Зоя Андреевна заполняла промежутки землёй. Мира записывала только действия: проверка личности, повторное разъяснение последствий, подтверждение отказа, самостоятельная обвязка, посадка без вскрытия. В графе «содержание жеста» поставила прочерк.

Когда над футляром осталось не больше ладони земли, Зоя остановилась.

— А если он решил, что я всё равно должна увидеть?

— Тогда он ошибся, — сказала Мира.

Женщина кивнула и засыпала футляр окончательно.

Сначала ничего не происходило. Потом земля приподнялась, будто под ней разжалась ладонь. Тонкий серебряный побег вышел на поверхность. На нём раскрылся единственный лист, матовый с одной стороны и зеркальный с другой. В зеркальной половине не появилось ни лица, ни воспоминания. Лишь движение: пальцы разжимались, выпуская невидимое.

Мира ждала боли или торжества, но увидела ремесленно точное завершение. Жест умершего остался жестом. Отказ живой женщины стал не пустотой, а вторым корнем.

Зоя Андреевна вытерла ладони о землю.

— Мне теперь надо приходить?

— Нет, — ответил Ян. — Сад не создаёт новую обязанность.

— А если захочу?

— Калитка открыта днём. Номер грядки есть на вашей квитанции. Никто не сообщит вам содержание, потому что его здесь никто не видел.

Ян протянул дощечки. Зоя выбрала «Посадить» и сама поставила её у побега. На обороте написала карандашом: «Я помню столько, сколько выбираю».

— Это не попадёт в реестр? — спросила она.

— Нет.оборот принадлежит вам. Дождь сотрёт надпись.

— Хорошо.

Она ушла, не оглядываясь. У калитки всё же задержалась, словно проверяя, не последует ли за ней кто-нибудь с футляром. Никто не последовал.

Мира закончила акт и подала Яну на подпись.

— Ты вписала себя курьером, — заметил он.

— Я сопровождала доставку до законного исхода.

— Палата считает посадку неудачной доставкой.

— Значит, у Палаты неверный счёт.

Ян подписал. Чернила легли поверх маленького пятна земли.

— Вот ради этого я позвал тебя. Не ради лекции.

— Чтобы я сама произнесла?

— Чтобы следующему адресату не пришлось спорить сразу с умершим, курьером и садовником.

Он снял перчатки. На правом запястье осталась светлая полоса от старого ожога. Мира поймала себя на желании спросить, откуда он, и не спросила. Близость тоже могла стать требованием показать то, что человек не предлагал.

— В моём реестре нашли доставку, которой не было, — сказала она. — От матери. Получателем записана я.

Ян замер лишь на секунду.

— Ты помнишь иначе?

— Есть свидетель. Моя сестра. Подпись чужая, жетон потерянный. Регистрационная проба должна быть в хранилище.

— И ты приехала сюда.

— Я обещала не трогать пробу сегодня.

— Хорошее обещание?

— Невыносимое.

— Я спрашивал не об удобстве.

Мира посмотрела на свежую дощечку. «Посадить» не означало «простить», «забыть» или «перестать любить». Всего лишь признать границу между чужим последним движением и собственной жизнью.

— Хорошее, — сказала она. — Оно оставляет решение мне завтрашней, а не мне испуганной.

— Тогда я не стану помогать тебе его обходить.

В этой фразе было больше надёжности, чем в обещании добыть пробу любой ценой.

Ян взял пустое ведро и пошёл к сараю. Мира последовала за ним, чтобы сдать жетон посетителя. У стены под навесом висели инструменты: лопатки, прививочные ножи, щупы, ножницы с короткими лезвиями. Каждый находился в контуре своего номера.

Один контур пустовал.

Под ним была выжжена цифра 47.

Мира остановилась.

— Это ваш щуп.

Ян проследил её взгляд.

— Был нашим. Пропал четыре месяца назад.

— В выписке Ратнер вошёл с щупом сорок семь.

— С копией жетона инструмента. Настоящий щуп числился утраченным.

— Почему ты не сказал вчера?

— Ты спрашивала, кто входил в сектор. Я дал выписку. История инструмента находилась в другом журнале.

— Удобная граница.

— Неверная, — спокойно сказал Ян. — Я решил за тебя, какая часть доказательства относится к обещанию. Не должен был.

Признание не погасило злость, но не дало ей превратиться в привычный бой.

— Покажи журнал сейчас.

— Покажу. После одного уточнения: ты хочешь увидеть запись об утрате или найти виновного, которого уже выбрала?

— Запись.

— Тогда идём.

В сарае пахло железом, мокрой корой и горьким садовым клеем. Ян открыл шкаф двумя ключами: свой повернул сам, второй достал из опечатанного конверта дежурного. Журнал лежал на верхней полке. Запись об утрате щупа №47 была сделана за четыре месяца до случая Коваля. Последним инструмент получал Ян Ровен.

В графе возврата стоял прочерк.

Ниже — его подпись под признанием недостачи.

— Ты потерял щуп, которым извлекали корни.

— Да.

— Или передал его.

— Такая версия тоже проверяема.

Он не защищался. От этого подозрение не стало меньше.

— Где ты был в день утраты?

— В южном секторе. И ещё в месте, о котором пока не имею права говорить без согласия другого человека.

— Опять граница.

— Да.

— И мне остаётся поверить?

— Нет. Запроси маршрут, подписи дежурных и запись ворот. А ту часть считай неподтверждённой.

Мира сфотографировала страницу вместе с контрольной линейкой и печатью шкафа. Потом заметила на верстаке раскрытый кожаный чехол. Внутри лежал узкий инструмент без номера. На металле возле рукояти темнел след, похожий на соскобленный контур цифр.

Ян закрыл журнал.

— Это не щуп сорок семь.

— Я ещё ничего не спросила.

— Но спросишь правильно. Поэтому отвечаю только на то, что могу доказать: этот инструмент не стоит на балансе сада.

За окном свежий серебролист Зои Андреевны повернул матовую сторону к ветру. Мира положила телефон в карман. До встречи с Верой Соймой оставалось меньше часа.

— Тогда следующим будет вопрос, откуда он у тебя.

Ян посмотрел на безымянный металл.

— И ответ тебе не понравится.

Глава 7. Ночная прививка

— Попробуй, — сказала Мира.

Ян не взял инструмент с верстака. Без номера и садовой насечки, он казался слишком чистым для сарая, где даже ключи пахли землёй.

— Его сделала реставратор корней, — ответил Ян. — Для работы, которой нет в правилах Палаты.

— Извлечения?

— Прививки отказа.

Он произнёс это так, будто название уже было обвинением.

— Отказ не прививают. Его сажают целиком.

— Теперь ты знаешь, как должно быть. Четыре месяца назад мы знали меньше.

За окном звякнул низкий медный колокольчик над инструментальным сараем. Ян одним движением захлопнул журнал.

Колокольчик ударил второй раз.

— Что это?

— Грядка Зои.

Они выбежали в сад. Над круглым двориком поднималось серебристое мерцание. Молодой лист, недавно выпустивший невидимое из разжатых пальцев, теперь судорожно складывался. Земля вокруг него темнела ровным кольцом.

Мира увидела пустоту сразу. Она была ещё тонкой, как обводка монеты, но дождевые капли исчезали над нею, не долетая до почвы.

— Мы ничего не вскрывали.

— Дело не в сегодняшней посадке. Корень вошёл в старую сеть.

Ян опустился у грядки и провёл ладонью над землёй. Не касаясь кольца, он нашёл место, где почва отзывалась слабым серебряным блеском.

— В нижней жиле разрыв. Кто-то извлёк соседний корень и замазал ход садовым клеем.

— Щупом сорок семь?

— Возможно. Сейчас главный вопрос — согласна ли ты помочь сохранить выбор Зои Андреевны. Если нет, выйди за белые камни. Это безопасная граница.

Он снова оставлял ей выход в тот момент, когда отказ выглядел трусостью. Мира ненавидела это почти так же сильно, как ценила.

— Что делать?

— Привить молодой корень к живой жиле, пока пустота не отделила его от сада. Мне нужен свидетель посадки: человек, который видел оба добровольных решения и не знает содержания жеста.

— То есть я.

— Да. Но свидетель отдаст прививке часть узнавания. Несколько часов ты можешь путать собственные воспоминания о сегодняшней посадке с чужими. Не потеряешь факты, но перестанешь понимать, какие из них видела сама.

— Это безопасно?

— Обычно — да.

— Плохое слово.

— Другого честного нет. Мы можем отсечь побег. Выбор Зои останется действительным в акте, но дерево погибнет. Пустота не вырастет.

Мира выхватила из кармана копию акта и нашла строку, которую сама заполнила час назад: «При угрозе посадке: сохранять без вскрытия, без вызова адресата, с участием обезличенного свидетеля».

— Она разрешила сохранение.

— А ты ещё ничего не разрешила.

— Разрешаю использовать мои воспоминания только о процедуре посадки. Не об имени, не о разговоре после, не о моей семье.

— Если граница не удержится, прекращаем.

— Если граница не удержится, прекращаем.

Ян начертил вокруг неё мелом незамкнутый круг.

— Выход справа. Захочешь остановиться — шагни туда. Объяснять не нужно.

— А твой выход где?

Ян на мгновение замер, потом провёл вторую незамкнутую линию слева и положил инструмент между кругами.

Безымянное лезвие вошло в почву почти без усилия. Ян не выкапывал корень, а расслаивал землю вдоль него. Под молодым серебристым показалась тонкая светлая нить. Она тянулась к старой садовой жиле и обрывалась у полосы серого клея.

Пустота расширилась на толщину пальца. За белыми камнями исчезла тень лейки. Сама лейка осталась, зелёная, помятая, но свет от фонаря больше не мог повторить её форму на земле.

Ян снял перчатку и протянул Мира руку ладонью вверх.

— Касаться не обязательно. Достаточно держать жетон над моей ладонью.

— Что надёжнее?

— Касание.

— Тогда почему предлагаешь жетон?

— Потому что надёжность сада не важнее твоей границы.

Мира вложила пальцы в его ладонь. Рабочее сцепление, сухая кожа, земля под ногтями, его пульс у основания большого пальца. Но тело не соглашалось считать прикосновение только инструментом.

— Я помню, как Зоя сама несла футляр. Она выбрала тёмную нить. Завязала узел. Остановилась перед последней горстью земли и закончила посадку сама.

На корне возник второй тонкий слой, будто рядом с живой жилкой легло её отражение.

Ян поднял безымянный инструмент. У рукояти тёмный соскоб блеснул в свете фонаря. Под ним угадывалась половина выжженной четвёрки.

Мира разжала пальцы. Слой на корне лопнул. Пустота рванулась к побегу, и серебряный лист выгнулся.

— Это сорок седьмой.

— Нет. Ты видишь метку незаконного извлечения. Она означает глубину, на которой можно отделить жест от отказа.

Мира шагнула к оставленному выходу. Ян не удержал её. Его ладонь осталась раскрытой, а другой рукой он прижимал корень к земле.

— Решай сейчас, — сказал он. — Побег или расследование. Я не имею права связать их.

Вот она, цена его границ: он не просил поверить даже тогда, когда сам не мог закончить работу без неё.

— Откуда у тебя инструмент с меткой извлечения?

— Я забрал его у человека, который пытался вернуть себе родство. Это всё, что могу сказать без его согласия.

— Ты им пользовался?

— Да.

— Для извлечения?

— Один раз — чтобы отделить чужой жест. Потом много раз — чтобы прививать повреждённые корни обратно. Я изменил заточку, но метку оставил. Чтобы помнить риск.

Пустота коснулась края круга. Мира вдруг перестала понимать, почему держит в руке курьерский жетон. Номер был её, царапина знакомая, но связь между предметом и работой исчезла. Она знала факт: жетон принадлежит Мире Ланской. Не чувствовала, что это она.

— Началось, — сказала Мира.

Ян потянулся к садовым ножницам.

— Прекращаем.

— Нет. Граница воспоминаний не нарушена. Пустота задела нынешнюю связь. Дай руку.

— Мира.

— Зоя выбрала сохранение. Я выбираю ещё одну попытку. Если забуду, зачем пришла в сад, режь.

Их ладони соединились. Теперь Мира чувствовала усилие: Ян удерживал себя неподвижно, хотя корень дёргал сухожилия его руки.

— Зоя имела право не открывать футляр. Ян не знает жеста. Я не знаю жеста. Сад не должен его придумать.

Слой снова лёг на корень.

— У прививки два основания, — сказал Ян. — Воля адресата и отсутствие присвоения. Назови их.

— Сохранять без вскрытия. Не использовать жест вместо человека.

Ян сделал на жиле короткий косой надрез. Из него выступила не влага, а бледный свет. Молодой корень потянулся к разрезу.

В этот миг Мире показалось, что она стоит по другую сторону грядки. Что пальцы у неё длиннее, ладонь жёстче, а в памяти есть ночь у пустой больничной лестницы и девушка, которая смотрит прямо сквозь неё.

Чужое воспоминание не раскрылось целиком. Остался только его нажим: желание заставить другого узнать себя.

— Это не посадка Зои.

Ян побледнел.

— Мой след. Выходи.

— Инструмент помнит прежнее извлечение.

Пустота поднялась над землёй тонкой стеной. За ней лицо Яна осталось тем же, но Мира на секунду потеряла значение его присутствия. Мужчина. Садовник. Подозреваемый. Ни одно слово не объясняло, почему его ладонь нельзя отпустить.

Тогда она назвала действия:

— Ты дал мне выписку к семи утра. Признал неверную границу. Начертил себе выход, когда я потребовала.

Поступки сложились в дорожку. Ян перевернул инструмент и ударил рукоятью о белый камень. Металл треснул по старой насечке.

— Что ты делаешь?

— Убираю третий голос.

Он отбросил часть с меткой за пределы круга. Коротким обломком подхватил молодой корень и уложил его в надрез живой жилы. Мира повторила вслух действия Зои, не добавляя ни одного смысла. Ян обвязал место прививки тёмной нитью.

Серебролист раскрылся. На нём снова возникли пальцы, выпускающие невидимое. Рядом проступил второй рисунок: ладонь не принимала выпущенное, но и не закрывалась в кулак. Два жеста существовали рядом.

Кольцо пустоты остановилось.

Ян медленно вынул руку из-под земли. На ладони выступила кровь: треснувший металл разрезал кожу.

Мира достала из его кармана чистую ткань.

— Можно?

— Можно.

Она перевязала ладонь.

— Девушка у лестницы — тот человек, чьё согласие тебе нужно?

— Ты ничего не видела.

— Я почувствовала след на инструменте. Он коснулся меня. Это уже моя часть события.

Ян закрыл глаза.

— Да. Но её имя и история принадлежат ей.

— Она жива? И не узнаёт тебя?

— Знает моё имя. Знает факты. Этого недостаточно, чтобы ответить точнее за неё.

Мира сфотографировала сломанный инструмент и целую обвязку корня.

— Я укажу в акте, что инструмент незаконного типа применялся тобой при аварийной прививке и был разрушен из-за остаточного следа. Про девушку — ничего.

— Этого достаточно, чтобы меня отстранили.

— Возможно. Молчание о риске — не цена за доверие.

На дорожке появились фонари вызванной Яном ночной смены. Две садовницы приняли грядку, сверили акт Зои и опечатали обломки. Мира продиктовала показания при Яне. Он ни разу не поправил её, даже когда она назвала его последнее получение щупа №47.

— Балансовый щуп и этот нож могут быть разными инструментами, — сказала старшая садовница.

— Могут, — ответила Мира. — Поэтому записывайте отдельно.

К половине седьмого сад перешёл под наблюдение ночной смены. Встреча с Верой Соймой началась двадцать минут назад.

Телефон Миры показывал три пропущенных вызова и сообщение: «Мы подождём. То, что случилось с новой посадкой, подтверждает срочность нашего разговора».

— Они знают, — сказал Ян.

— Или наблюдали, или заранее знали, где порвана жила.

— Не иди одна.

— Дай проверяемый вариант.

— Позвони Неле. Отправь адрес, включи открытую линию. Встречайся в общем зале, не отдавай жетон и ничего не касайся без акта происхождения. Я останусь здесь под записью смены.

Неля ответила после первого гудка.

— Ты опоздала в фонд.

— Откуда вы знаете?

— Его представитель уже пожаловался, что Палата препятствует добровольной встрече.

Где ты?

— В Северном саду. Посадку пришлось спасать. Отправлю акт и фотографии. Потом еду к Сойме.

— Не приказываю отменить. Приказываю не исчезать: открытая линия, геометка, каждые десять минут называешь время и место.

— Согласна.

— И, Мира... нижнее хранилище проверили. Регистрационной пробы твоей матери в ячейке нет.

Сад вокруг неё сохранил все формы, но на мгновение стал плоским.

— Что лежит вместо неё?

— Свежая земля и корень без бирки. Не трогали. Ждём тебя и Асю утром.

Мира посмотрела на молодой серебролист Зои. У него было законное место, два подтверждённых выбора и четыре стеклянных свидетеля. У материнского жеста не осталось даже имени на корне.

— Я приеду утром.

Обещание Асе дожило до ночи и теперь требовало не послушания, а выдержки.

У калитки Ян вернул ей жетон посетителя.

— Сегодня я использовал инструмент, которым однажды причинил вред. В акте будет именно так.

— А завтра?

— Попрошу у того человека согласия рассказать тебе всё. Если он откажет, принесу доказательства только своих действий.

— Её действий мне не нужно.

— Я знаю.

Между ними осталось не подозрение, которое следовало немедленно уничтожить, и не притяжение, которому требовалось придумать оправдание. Остался срок до завтра и поступок, который можно будет проверить.

Мира вышла за калитку. Машина фонда ждала через дорогу, хотя адреса сада она им не сообщала. На дверце серебром был нарисован раскрытый круг, похожий на пустоту, которую кто-то решил назвать входом.

Водитель опустил стекло.

— Вера Сойма просила передать: семья из эксперимента согласилась встретиться с вами сегодня.

— Назовите их имена.

— Они предпочитают представиться сами.

— Тогда я доберусь своим ходом.

Мира записала номер машины, отправила Неле и пошла к трамвайной остановке. В витринах отражалась женщина с плоской сумкой курьера. Мира всё ещё не чувствовала, что жетон в кармане принадлежит ей, зато знала, почему не села в чужую машину.

Пока собственного желания не было видно, ей оставались границы, свидетели и маршрут, выбранный шаг за шагом.

Глава 8. Фонд возвращения

К фонду Мира приехала в двадцать два часа двенадцать минут.

Время она назвала Неле вслух ещё на тротуаре, вместе с адресом и цветом входной двери. За матовым стеклом стояли высокие растения в белых кадках. У каждого стебля был подвязан серебряный ярлык, но ни одного названия Мира не разглядела.

— Открытая линия работает, — сказала Неля в наушнике. — Услышу второй голос — замолчу. Если связь оборвётся, через три минуты звоню в городскую охрану. Не изображай, что это делает тебя неуязвимой.

— Не изображаю.

— И не трогай ничего.

Мира посмотрела на своё отражение в двери. Оно двигалось одновременно с ней, но всё ещё казалось случайной прохожей, которой доверили её сумку и жетон.

— Это правило у меня уже есть.

Дверь открылась прежде, чем она нажала кнопку звонка.

Вера Сойма встретила её сама. На ней не было ни служебного знака, ни серебряных украшений — только тёмно-красное платье с узкими рукавами и мягкие домашние туфли. Фонд занимал первый этаж бывшей водолечебницы, однако приёмная больше походила на квартиру человека, который давно ждёт гостей: лампы под тканевыми абажурами, книжные шкафы, запах яблок и нагретого дерева.

— Мира Ланская. Спасибо, что всё-таки пришли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.